СОЦІАЛИЗМЪ,

КАКЪ НРАВСТВЕННАЯ

335

И

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

БИБЛІОТЕКА
СЕМИНАРІЙ.

Ученіе Маркса. ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
ОТДѢЛЪ № 10506
Я. М. СВЕРДЛОВА

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
Я. М. Свердлова

МОСКВА.
„Русская Печатня", Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1909.

НХ
1224

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1040
27

Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача *).

I.

Основная точка зрѣнія.

Если бы царствіе Божіе открылось на землѣ во всей своей силѣ, то надъ человѣчествомъ не стоялъ бы неотступною угрозою призракъ соціализма.

И это не потому, что соціальный вопросъ нашелъ бы тогда свое полное разрѣшеніе, но потому, что тогда онъ совсѣмъ и не возникалъ бы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы имѣющій двѣ одежды всегда готовъ былъ отдать одну изъ нихъ неимущему, а этотъ послѣдній, получивъ одну одежду, не обнаруживалъ бы стремленія захватить и другую; если

*) Лекція, сказанная въ залѣ Московскаго Епархіальнаго Дома, 12 марта 1907 г.

бы *тотъ* міръ, жизнь замогильная, въ отношеніи къ которой жизнь до могилы должна быть, по ученію христіанскому, лишь переходною ступенью и воспитательною школою, представлялась человѣку и человѣчеству такою же несомнѣнною реальностью, какъ и жизнь земная: тогда вопросъ о водвореніи на землѣ „равенства всеобщей сытости“, споры о раздѣлѣ хлѣба земного,—а вѣдь въ этомъ и состоитъ сущность соціализма,—понизились бы до нуля и совершенно отступили бы предъ безмѣрно болѣе важными заботами о томъ, какъ насытиться Хлѣбомъ Небеснымъ.

Съ другой стороны, если бы организація человѣческихъ обществъ совершенно лишена была началъ христіанскихъ,—разумѣю христіанство въ широкомъ смыслѣ, включая въ это понятіе и такъ называемое „христіанство до Христа“ апологетовъ,—тогда соціальный вопросъ постоянно волновалъ бы человѣчество, и притомъ во всей своей остротѣ и неразрѣшимости.

Въ самомъ дѣлѣ, когда господствовало бы на землѣ единственное право, право силы, а человѣкъ разсматривался бы лишь, какъ вещь среди вещей міра, какъ и всѣ онѣ, лишенная безусловной цѣнности,—тогда что̀, какая сила угашала бы въ человѣчествѣ стремленіе сильныхъ захватить для себя однихъ всѣ блага міра, подчинить своей власти и эксплуатировать слабыхъ?.. Тогда силь-

ные и слабые, имущіе и обездоленные стояли бы другъ противъ друга, какъ два вражескихъ стана, вѣчно готовые къ борьбѣ, всегда насыщенные колоссальною скрытою энергіею взаимной ненависти: временное перемиріе смѣнялось бы тогда страшными соціальными землетрясеніями и пожарами, которые никогда совсѣмъ не погасали бы, и даже въ краткіе періоды угашенія вражды тишина была бы зловѣща и подозрительна, какъ тишина передъ бурею... Состояніе древнихъ государствъ, въ эпохи возстанія рабовъ, есть лишь слабое подобіе того, что, при такихъ условіяхъ, могло бы быть, что было бы притомъ хроническою болѣзнью народовъ и всего человѣчества.

Итакъ, при идеально нравственной, то-есть христіанской организаціи обществъ, соціальнаго вопроса совсѣмъ не было бы. При идеально-безнравственной, то-есть чисто языческой, онъ былъ бы не разрѣшимъ. Но человѣчество, — историческое человѣчество, — не живетъ подъ властью ни одного изъ этихъ полярно-противоположныхъ міросозерцаній, въ ихъ чистой и безпримѣсной формѣ. Оно, въ своей исторіи, есть какъ бы странникъ, медленно передвигающійся отъ одного къ другому: отъ состоянія полу-животной дикости къ состоянію обожествленной человѣчности. И потому соціальный вопросъ есть для него реальный фактъ и вмѣстѣ задача, надъ разрѣшеніемъ

которой онъ трудится и не можетъ не трудиться и въ разрѣшимость которой,—и это очень важно,— онъ вѣритъ и не можетъ, не отказываясь отъ своей жизни, не вѣрить.

Волна соціальнаго движенія докатилась, наконецъ, и до насъ и — увы! — вовсе не разбилась о наши берега. Совершенно напротивъ, берега эти оказались очень податливыми, легко размываемыми, во всякомъ случаѣ совсѣмъ не скалами неприступными. Раскрылись изумленные глаза и, смущенные шумомъ высокаго, надвигающагося на насъ, прибоя соціальныхъ волнъ, мы торопливо и неразборчиво хватаемся теперь за разныя, и всего чаще изъ числа самыхъ ненадежныхъ, средства защиты и утвержденія оплотовъ нашей, исторически сложившейся, общественно - государственной жизни. Такъ всегда поступаютъ застигнутые врасплохъ. Но это дурная тактика. Человѣкъ, полный вѣры въ свою внутреннюю правду, поступаетъ не такъ. Онъ смѣло мѣряетъ врага глазами, изучаетъ его пріемы и боевую тактику и выходитъ съ нимъ на открытую борьбу.

Такъ и въ отношеніи къ соціализму поступалъ и поступаетъ Западъ, гдѣ острая соціальная борьба насчитываетъ себѣ уже около столѣтія. И вотъ почему именно, — и это весьма замѣчательно и достойно всякаго вниманія,—соціальный вопросъ тамъ уже въ значительной мѣрѣ потерялъ свою

остроту, а соціальное движеніе уже введено тамъ, болѣе или менѣе, въ свое относительно скромное русло. Судорога нервной борьбы, правда, время отъ времени, все еще пробѣгаетъ и тамъ. Слышатся порою какъ бы подземные удары, предвѣщающіе соціальное землетрясеніе. Но все это тамъ скорѣе исключенія, чѣмъ правило. Тамъ можно жить мѣсяцами и годами, узнавая о соціалистахъ, особенно ихъ крайнихъ фракціяхъ, развѣ лишь изъ газетъ. А у насъ!.. Увы!—слишкомъ печально у насъ, чтобы нужно было еще останавливаться на томъ, что творится повсюду кругомъ...

Но отчего же на Западѣ, благодаря какимъ факторамъ, соціальный вопросъ потерялъ свою остроту и вошелъ въ свое русло?

Оттого, что тамъ противъ него, сознательно и спокойно, съ вѣрнымъ разсчетомъ на побѣду, направлены и дружно, въ предчувствіи побѣднаго синтеза, работаютъ силы, берущія свой источникъ въ вѣчныхъ положительныхъ родникахъ человѣческой исторіи: въ религіи, государственной власти, политико-экономическомъ искусствѣ, въ наукѣ и прежде всего,—въ общественномъ сознаніи или, такъ называемомъ, общественномъ мнѣніи, которое все болѣе и болѣе начинаетъ какъ бы инстинктивно, чувствовать въ соціализмѣ, при его относительной правдѣ, и его глубокую неправду.

Итакъ, вотъ путь въ отношеніи къ соціализму,—

путь уже пройденный, но къ сожалѣнію все еще слишкомъ мало цѣнимый, въ его безмѣрной поучительности, нами. Не набирать торопливо и неразборчиво всякія средства для предотвращенія соціальнаго землетрясенія и „обвала культуры", но заставить—сознательно и планомѣрно—работать противъ разрушительныхъ тенденцій соціализма созидательно-творческія силы, вытекающія изъ началъ культурно-общественнаго самосохраненія, воспользовавшись при этомъ богатыми уроками Запада.

Вотъ что намъ прежде всего нужно.

Задача настоящихъ чтеній, насколько я ее понимаю, состоитъ именно въ томъ, чтобы, опираясь на уроки исторіи соціализма и, въ особенности, новѣйшаго, установить основныя и существенныя точки зрѣнія, долженствующія опредѣлить нормальное къ нему отношеніе и чрезъ то содѣйствовать сознательному участію въ борьбѣ съ нимъ, и особенно съ его крайними, идущими противъ культурно-общественнаго самосохраненія, формами. Постоянные посѣтители этихъ чтеній уже слышали, какое возможно и каково должно быть нормальное отношеніе къ соціализму съ точекъ зрѣнія: религіозной, экономической и общественно-государственной. Мнѣ предстоитъ освѣтить вопросъ съ точки зрѣнія нравственной и теоретической,— выяснить, *какъ можно и какъ слѣдуетъ отно-*

ситься къ соціальному вопросу по началамъ нравственной правды и теоретической истины, т.-е. истины разумнаго и цѣлостнаго міросозерцанія. Въ этомъ именно смыслѣ я и опредѣлилъ область своей темы: „Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача". И въ этомъ именно смыслѣ я и желалъ бы быть понятымъ. Я хочу разсмотрѣть, что, съ точки зрѣнія нравственной правды и истиннаго міросозерцанія, въ соціализмѣ можетъ быть принято, какъ совмѣстимое съ этими началами, и что, во имя этихъ же началъ, должно быть отвергнуто,—частію или всецѣло.

Предвижу возраженіе, потому что отчасти я его уже слышалъ. Мнѣ говорятъ:

Какъ можете вы допускать, хотя бы даже лишь условно, самую мысль о томъ, будто соціализмъ, съ нравственной точки зрѣнія, подлежитъ въ чемъ-то осужденію, пусть и не всецѣлому, когда онъ „очевидно борется за правое дѣло?" Развѣ, говорятъ, вы не видите этихъ несчастныхъ, обездоленныхъ, угнетенныхъ непосильнымъ трудомъ, на защиту которыхъ соціализмъ выступаетъ?

Отвѣчаю.

О, конечно, вижу. Вижу и часто содрогаюсь отъ этого видѣнія. И я далекъ отъ мысли отрицать въ „соціальномъ движеніи" то хорошее, что въ немъ есть.

Но, вопервыхъ, развѣ соціализмъ первый воз-

высплъ свой голосъ за бѣдняковъ и обездоленныхъ? Вѣдь голоса за нихъ и, безъ сомнѣнія, не менѣе краснорѣчивые, раздавались и раньше соціализма, и я затруднился бы указать, когда они не раздавались. Дальше въ своей лекціи я приведу отрывки въ защиту обездоленныхъ и неимущихъ изъ сочиненій величайшихъ моралистовъ новаго времени, съ наклономъ къ соціализму: Рэскина и Карлейля. И все-таки я могъ бы указать, если бы это не лежало внѣ области моей темы, наприм., въ твореніяхъ Златоуста страницы безмѣрно большаго краснорѣчія и силы. Да и вообще все христіанство, въ сущности, есть, какъ извѣстно, одно высокое заступничество за обездоленныхъ, почему его справедливо иногда называютъ *Евангеліемъ бѣдныхъ*. Правда, между христіанскимъ и соціалистическимъ заступничествомъ за обездоленныхъ существуетъ глубокое различіе. Христіанство апеллируетъ къ *личному* сознанію каждаго, требуя прежде всего *личнаго* подвига въ служеніи ближнимъ, а соціализмъ хочетъ пробудить *общественное* сознаніе. Христіанство дѣйствуетъ путемъ *внутренняго* перерожденія отдѣльныхъ людей, а соціализмъ путемъ *внѣшняго* принужденія или устрашенія обществъ,—онъ „будитъ общественную совѣсть“ подобно удару грома, который, по извѣстной пословицѣ, невольно заставляетъ креститься даже и тѣхъ, которые иначе о томъ не

подумали бы или подобно подземному гулу, предвѣщающему землетрясеніе и заставляющему принимать мѣры предосторожности. Христіанство призываетъ человѣчество къ *нравственной* организаціи обществъ, въ цѣляхъ улучшенія быта обездоленныхъ, а соціализмъ—къ организаціи *юридической*. Конечно, и эти различія не лишены значенія. Но они, очевидно, касаются лишь формы. По существу же приматъ, первенство по времени и преимущество по достоинству, остается за христіанствомъ, за религіею вообще, на всемъ протяженіи исторіи человѣчества будившею въ человѣкѣ добрые задатки природы. Такимъ образомъ, въ сравненіи съ христіанствомъ соціализмъ свѣтитъ свѣтомъ лишь отраженнымъ. Конечно, это еще не основаніе унижать его, въ его хорошихъ элементахъ, и отрицать его относительную правду. Напротивъ, именно, это стремленіе провести нравственныя идеи въ жизнь, путемъ воплощенія ихъ въ соціальныхъ организаціяхъ, есть его несомнѣнная заслуга. И эта заслуга его очевидна. Но, съ другой стороны, еще менѣе позволительно, конечно, забывать о томъ родникѣ живой воды и нравственныхъ вдохновеній, о которомъ соціалисты, хотя и черпаютъ изъ него сами, такъ склонны забывать,—о христіанствѣ и религіи вообще.

Это—во-первыхъ.

Во-вторыхъ, извѣстно, что соціализмъ соціализ-

му рознь. Нѣтъ, кажется, слова, болѣе многомысленнаго, которымъ бы, поэтому, болѣе злоупотребляли, чѣмъ именно слово „соціализмъ“. Голова пошла бы кругомъ, если бы мы захотѣли разобраться во всѣхъ значеніяхъ этого, крайне эластичнаго и—повторяю—въ высокой степени многосмысленнаго, термина! Говорятъ о соціализмѣ *нейтральномъ*, то-есть совмѣстимомъ со всякимъ теоретическимъ міросозерцаніемъ, *умѣренномъ*, *радикальномъ*, *утопичномъ*. Есть соціализмъ *практическій* и *теоретическій*, такъ сказать кабинетный,—соціализмъ ученыхъ (такъ называемыхъ „катедеръ-соціалистовъ“). Есть соціализмъ *этическій*, *правовой*, но есть и соціализмъ *боевой*, насильническій. И въ немъ опять много фракцій: есть *соціалъ-демократы*, *соціалъ-революціонеры*, *соціалисты-анархисты*, *соціалисты-коммунисты*, *соціалисты-утописты* и т. д. и т. д. Этотъ перечень далеко не исчерпываетъ всѣхъ формъ и тѣмъ болѣе оттѣнковъ соціализма. И вотъ теперь спрашивается: ко всякой ли соціалистической формѣ или фракціи можно относиться одинаково? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Въ соціализмѣ есть нѣчто хорошее. Но отъ „духа соціализма“ или такъ называемаго „соціальнаго духа“ (Socialer Geist), окот оромъ говорятъ нѣмцы (наприм. Ziegler), когда хотятъ фиксировать въ сознаніи слушателей именно лишь указанную выше его гуманитарную тенденцію къ

заступничеству за обездоленныхъ и неимущихъ,— отъ этого неуловимаго „духа соціализма“, по наклонной плоскости къ крайнимъ его проявленіямъ, анархическимъ и коммунистическимъ, лежитъ цѣлый рядъ нисходящихъ ступеней и оттѣнковъ. И повторяю—необходимо между ними строго различать. Вотъ почему, когда мнѣ говорятъ; „какъ вы можете осуждать соціализмъ“,—я возвращаю этотъ вопросъ тому, кто его предлагаетъ, и въ свою очередь ставлю встрѣчный вопросъ: „о какомъ собственно соціализмѣ вы говорите“?

Къ сожалѣнію, моралистъ-теоретикъ, въ виду этихъ, почти безконечныхъ, оттѣнковъ соціализма, чувствуетъ себя въ особенномъ затрудненіи,—въ смыслѣ установки между видами соціализма точно отграниченныхъ категорій или ступеней. Его положеніе, во всякомъ случаѣ, затруднительнѣе, чѣмъ, наприм., положеніе экономиста или государственника. Экономистъ легко можетъ найти какой-нибудь *условный* принципъ классификаціи. Можетъ, наприм.,—какъ сдѣлано было здѣсь же, съ этой каѳедры,—признать соціализмомъ въ собственномъ смыслѣ лишь тѣ его формы, которыя требуютъ *обобществленія орудій производства, но не продуктовъ*, не предметовъ потребленія, остальныя же формы, требующія обобществленія и продуктовъ, то-есть тяготѣющія къ коммунизму, критикъ соціализма съ *экономической* точки зрѣнія

можетъ оставить внѣ поля своего зрѣнія, какъ крайности, при чемъ можетъ даже отклонить и всѣ возраженія противъ этихъ послѣднихъ формъ, со стороны другихъ, какъ направляемыя де не по адресу соціализма *въ его чистой сущности*. Можетъ и имѣетъ на это право: ибо, вѣдь, каждый, согласно своей основной точкѣ зрѣнія, можетъ, для оріентировки въ вопросѣ свободно выбирать тотъ или другой классификаціонный принципъ, который найдетъ для себя болѣе удобнымъ. Точно также и государственникъ можетъ найти, при классификаціи видовъ или формъ соціализма, твердую точку опоры,—положимъ, въ различномъ отношеніи соціалистовъ разныхъ фракцій къ парламенту и въ немъ къ вопросамъ о положеніи массъ, имущественномъ и правовомъ. Извѣстно, наприм., что соціалъ-демократы въ Германіи рѣдко голосуютъ (едва-ли даже когда-нибудь) за улучшеніе положенія рабочихъ классовъ, такъ какъ исходятъ изъ мнѣнія, согласно которому „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, то-есть, чѣмъ плачевнѣе будетъ положеніе рабочихъ классовъ, тѣмъ скорѣе осуществится вожделѣнная для нихъ „соціальная революція“, такъ называемый „великій кляддарадачъ“, послѣ котораго де наступитъ,—сейчасъ же, какъ бы по манію волшебнаго жезла,—земной рай, равенство всеобщаго довольства и, прежде всего, всеобщей сытости. Пусть и это критерій условный. Но кто

станетъ отрицать у государственника логическое право на эту условность? Ибо вѣдь, во всякомъ случаѣ, этотъ признакъ даетъ ему опредѣленную точку опоры для различенія между видами соціализма. Иное положеніе моралистовъ и теоретиковъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, найдутъ *они* для себя точку опоры въ различеніи видовъ соціализма? Вѣдь во всѣхъ формахъ, повидимому, одна и та же этическая сущность,—забота объ обездоленныхъ: найдется ли, спрашивается, также и для нихъ, при этомъ условіи, критерій для ориентировки въ столь сложномъ вопросѣ?..

И, однако, критерій у нихъ есть, и критерій тоже достаточно опредѣленный: онъ дается чрезъ установку отношенія тѣхъ или иныхъ практическихъ положеній соціалистовъ различныхъ категорій къ безусловнымъ и всеобщимъ началамъ жизни и мысли (или вѣрованій), то-есть къ такъ-называемому цѣлостному міросозерцанію. Подобно тому, какъ есть лигатуры, очень близко подходящія по внѣшнему виду и нѣкоторымъ другимъ признакамъ къ благороднымъ металламъ, но не выдерживающія экспертизы знатока или какъ есть шлифованныя стекла, очень напоминающія брилліанты, но вводящія въ обманъ развѣ лишь людей неопытныхъ: такъ и въ сферѣ нравственно-практической есть положенія, которыя легко принимаютъ *видимость* нравственно-цѣнныхъ, на самомъ

же дѣлѣ далеки отъ такой цѣнности или даже совсѣмъ лишены ея. И это именно потому, повторяю, что они стоятъ внѣ связи съ безусловными и вѣчными законами, *съ истинною и правдою жизни*, а иногда даже и прямо противорѣчатъ ея разумному смыслу, опредѣляемому цѣлостнымъ міросозерцаніемъ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ нравственные кодексы, какіе когда-либо имѣло человѣчество, или какіе оно считало за таковые, включая и соціалистическіе, можно распредѣлить на двѣ большихъ группы,—именно по ихъ отношенію къ тому или другому міросозерцанію: на идеалистически-теономные, богоположенные или богоустановленные, и—позитивно-автономные, самоположенные, установленные самимъ человѣкомъ.

Кодексы перваго типа *разсматриваютъ человѣка въ живой и конкретной связи съ цѣлымъ мірозданіемъ*, во главѣ же мірозданія ставятъ извѣчно сущій идеалъ бытія и жизни, называютъ ли они его Божествомъ, абсолютомъ, абсолютною идеею, или какъ-либо иначе. Есть, по этому міросозерцанію, Верховный Законодатель или, если угодно, Верховное Законодательство, Которое, положивъ незыблемые законы для мірового бытія и жизни, по роду подчиненныхъ этимъ законамъ существъ (одними существами Провидѣніе—Судьба, какъ говорили еще стоики, только *руководитъ*, fata ducunt,

другія влечетъ *насильно* и принудительно,—цѣхъ fata trahunt), положило такіе же законы и для свободно послѣдующихъ имъ существъ, для людей, въ ихъ душахъ и совѣстяхъ. Прогрессъ нравственнаго сознанія или „нравственной свободы“ здѣсь, съ этой точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы все яснѣе и яснѣе сознавать эти безусловные законы, какъ безнаказанно не переходимыя грани жизни, возводя къ нимъ, по нимъ осмысливая и оцѣнивая всѣ частныя нравственно-практическія положенія, предписанія и требованія, разрѣшая общія и категорическія велѣнія долга въ рядъ или систему частныхъ нравственныхъ обязанностей. Съ этой точки зрѣнія не только жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, но и каждый моментъ этой жизни имѣетъ свою *безусловную* и *безотносительную* цѣну,—положительную или отрицательную. Здѣсь важно не только то, что я дѣлаю или сдѣлалъ и даже не столько то, что я сдѣлалъ, сколько то, каково было мое намѣреніе, какъ я, въ каждомъ данномъ случаѣ, понимаю свою задачу. Вотъ почему, какъ превосходно сказалъ однажды Гёте, только мелкія души озабочены тѣмъ, чѣмъ они *кажутся* или за что ихъ считаютъ по ихъ дѣламъ, часто имѣющимъ совсѣмъ сомнительную, внутреннюю основу и цѣнность, для человѣка же сильнаго и истинно великаго самое важное,—что онъ *есть* предъ лицомъ своей совѣсти или, что то же.

предъ лицомъ Того Верховнаго Законодателя, Который положилъ для всего, и для него въ частности, свои святые и непреложные законы.

Это одинъ типъ нравственныхъ оцѣнокъ и кодексовъ.

Другой типъ *разсматриваетъ человѣка отвлеченно, оторванно отъ мірозданія* и оцѣниваетъ всю его дѣятельность исключительно *по результатамъ* ея. Съ этой точки зрѣнія, нормы этическаго лежатъ уже не въ вѣчномъ, не въ волѣ Верховнаго Законодателя, но во временномъ, въ предваряемомъ мечтательною мыслію грядущемъ строѣ жизни. Неизмѣннаго нравственнаго идеала бытія и жизни, съ этой точки зрѣнія, нѣтъ или, точнѣе, *пока еще нѣтъ*, хотя онъ *будетъ*, опредѣлится нѣкогда и именно какъ итогъ міровой эволюціи. Эти кодексы, слѣдовательно, радикально измѣняютъ взглядъ человѣка на міровой процессъ и человѣческую жизнь: не съ точки зрѣнія вѣчнаго учатъ они смотрѣть на временное и земное, а наоборотъ—именно въ условномъ и земномъ ищутъ опоры и средствъ для выработки такого строя жизни или такихъ отношеній, которымъ можно было бы, въ концѣ-концовъ, усвоять идеальное, безусловно цѣнное и, въ этомъ смыслѣ, „безсмертное“, даже „вѣчное“ значеніе. Все въ человѣческихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ для моралистовъ этого типа есть лишь *средство* подготовки грядущаго строя, „земного

рая", въ которомъ бы всѣ были довольны, равны, справедливы, автоматично добродѣтельны и т. д. Все здѣсь подвижно, и измѣряется именно лишь какъ *средство* для этой великой конечной цѣли. Въ этомъ соотношеніи средствъ и цѣлей, съ характеризуемой точки зрѣнія, лежитъ единственный критерій этическаго. Ни человѣкъ, ни его дѣло уже не могутъ, очевидно, быть разсматриваемы, какъ безусловная, безотносительная цѣнность. Самое важное будто бы проявить или заявить себя, т.-е. быть цѣннымъ въ глазахъ другихъ, а не въ собственныхъ, не предъ своею совѣстью,—заявить полезнымъ дѣломъ въ цѣляхъ водворенія идеала всеобщаго довольства.

Вотъ два основныхъ нравственныхъ кодекса въ ихъ полярной противности.

Они, какъ видимъ, стоятъ на почвѣ радикально противоположныхъ и взаимно исключающихъ другъ друга міросозерцаній: для перваго—разгадка смысла и цѣнности жизни, въ концѣ-концовъ, *тамъ*; для втораго—всецѣло и исключительно *здѣсь*.

И, повторяю, съ научной точки зрѣнія, это единственный критерій для классификаціи и оцѣнки всѣхъ этическихъ системъ.

Теперь спрашивается: къ какому же изъ этихъ типовъ мысли мы отнесемъ соціализмъ, какъ *этическую доктрину*?

Несомнѣнно и безспорно, ко второму.

Самое существенное для соціализма, въ этическомъ отношеніи, это—что онъ разсматриваетъ человѣка *отвлеченно*, т.-е. не въ конкретной полнотѣ его опредѣленій, но лишь въ одномъ единственномъ опредѣленіи: какъ трудовую и потребительную единицу-силу. Одинъ изъ предшествующихъ лекторовъ, разсматривавшій соціализмъ съ общественно-государственной точки зрѣнія, Л. А. Тихомировъ, превосходно разъяснилъ эту *отвлеченную природу* соціализма. Онъ показалъ, что соціализмъ хочетъ конструировать человѣка какъ продуктъ условій жизни и, прежде всего, экономическихъ, чѣмъ и опредѣляется до нерасторжимости тѣсная связь соціализма, какъ доктрины, съ такъ-называемымъ историческимъ матеріализмомъ. Но я позволю себѣ сдѣлать шагъ дальше и скажу: соціализмъ, *какъ доктрина*, т.-е. какъ система идей, и *нравственно-практическій кодексъ*, т.-е. какъ система морали, вообще уходитъ своими корнями въ міросозерцаніе матеріалистическое, позитивно-эволюціонное, насквозь детерминистическое.

Правда, мы знаемъ и формы такъ называемаго „нейтральнаго“ соціализма, повидимому, совмѣстимаго со всякимъ міросозерцаніемъ. Но онъ лишь *кажется* таковымъ и только потому, что его представители слишкомъ безпечны въ отношеніи своихъ теоретическихъ предпосылокъ. Представители этой фракціи просто отмахиваются отъ послѣднихъ

вопросовъ, какъ лежащихъ будто бы внѣ ихъ „положительныхъ“ интересовъ. Но если бы они продумали свои положенія до конца, то, безъ сомнѣнія, и они признали бы родство своихъ идей со вторымъ изъ выше намѣченныхъ типовъ мысли этической и обще-философской, т.-е. съ матеріалистически-эволюціоннымъ и насквозь детерминистическимъ. Въ итогѣ, съ „нейтральнымъ“ соціализмомъ дѣло обстоитъ такъ: или онъ, въ случаѣ непослѣдовательности, не станетъ чуждаться и христіанско-теистическихъ стимуловъ дѣятельности, и тогда мы должны не только признать недоразумѣніемъ его стремленіе стать подъ соціалистическое знамя, но даже отрицать и точность самаго его названія соціализмомъ; или же онъ, при послѣдовательномъ проведеніи своихъ предпосылокъ, сознаетъ свое кровное родство съ другими типами соціализма, и тогда мы должны и его разсматривать подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія,—только лишь какъ наивное или несознательное выраженіе обще-соціалистической идейной сущности.

Что же касается крайнихъ формъ соціализма, тяготѣющихъ къ коммунизму, то ихъ позитивно-эволюціонная, матеріалистически-детерминистическая природа и безъ того слишкомъ ясна, чтобы здѣсь требовались еще доказательства этого и разъясненія. Всѣ эти формы между собою сродны, тяготѣютъ къ одному и тому же полюсу мысли,

такъ какъ въ ихъ основѣ заложены однѣ и тѣ же предпосылки, достаточно опредѣленно намѣчающія міросозерцаніе, которымъ онѣ проникнуты.

Въ моей книгѣ *Очеркъ современной французской философіи*, гдѣ я разсматриваю соціалистическую доктрину въ связи съ общимъ движеніемъ философской мысли, намѣченъ этотъ циклъ сопринадлежащихъ идей, составляющихъ какъ бы догматику соціализма, насколько она опредѣлилась на родинѣ новѣйшаго соціализма—во Франціи. Вотъ эти „догматы“: „реабилитація плоти“ или „физизмъ“, „оправданіе страсти“, „апоѳеозъ или культъ человѣчества“, „новое вольтерьянство“, „матеріализмъ и позитивизмъ“ и—„атеизмъ“. Эти „догматы“ соціализма, очевидно, образующіе въ своей сопринадлежности одну систему, одно связное и цѣлостное міросозерцаніе, были выставлены на знамени соціалистической школы совершенно откровенно и развиты весьма тщательно, въ цѣломъ рядѣ объемистыхъ сочиненій *). Замѣчательно при этомъ, что въ дальнѣйшей исторіи, вплоть до нашихъ дней, эта система ни на волосъ не сдвинулась съ своего основанія. Она лишь осложнилась нѣсколько эволюціонно-детерминистическими и дарвинистическими элементами (это—новый „догматъ“, прибавленный къ шести прежнимъ), да

*) См. подробнѣе въ „*Очеркъ современной французской философіи*“ (Харьковъ, 1894 г.), стр. 213—226.

стала выступать еще откровеннѣе и цѣничнѣе, чѣмъ у своихъ инціаторовъ; вотъ и все! Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, наприм., заглянуть въ книгу,—недавно вышедшую и въ русскомъ переводѣ,—извѣстнаго Себастіана Фора: *Міровая скорбь*. Здѣсь, въ сущности, та же догматика соціализма, съ оправданіемъ страсти, извѣстнымъ прудоновскимъ девизомъ, согласно которому собственность есть будто бы лишь кража, съ отрицаніемъ всѣхъ безусловныхъ нормъ нравственности и глумленіемъ надъ Богомъ, закономъ, совѣстью, какъ будто бы пустыми абстракціями...

Скажутъ:

Но какое же дѣло подвижной практической жизни до всѣхъ этихъ „отвлеченно-школьныхъ“ различеній безусловнаго и условнаго? Развѣ не все равно, какимъ путемъ достигается результатъ, лишь бы онъ достигался? Далеко не все равно и—дѣло есть и даже очень большое. Ибо въ высшей степени сомнительно, чтобы хорошій, дѣйствительно цѣнный нравственно результатъ достигался дурными средствами,—не говоря уже о софистически-іезуитской казуистикѣ всего этого вообще разсужденія, стремящагося оправдать средства цѣлями.

Не стану, однако, вдаваться въ общія разсужденія и отвѣчу на только что формулированное возраженіе-недоумѣніе конкретными фактами.

Въ біографіи Бисмарка разсказывается, что онъ, когда ему было тридцать лѣтъ, но когда его имя уже начинало останавливать на себѣ вниманіе, однажды, не задумавшись, бросился въ воду и спасъ солдата. Этотъ фактъ можно понять и по достоинству оцѣнить лишь съ точки зрѣнія безусловныхъ началъ дѣятельности. Бисмаркъ былъ, очевидно, однимъ изъ тѣхъ, которые, какъ прекрасно выразился однажды Поль-Бурже, проникнуты убѣжденіемъ, что „долгъ—нравственный, служебный и всякій иной,—не обсуждаютъ, но исполняютъ“. Если бы Бисмаркъ былъ утилитаристомъ, онъ, вѣроятно, прежде чѣмъ броситься въ воду, сталъ бы разсуждать приблизительно такъ: солдатъ—рядовая величина, а онъ, Бисмаркъ, можетъ быть и вѣроятно, принесетъ обществу большую пользу, во всякомъ случаѣ несравненно большую, чѣмъ способенъ принести солдатъ; ergo: лучше не рисковать собою и своею жизнью... Результатомъ такихъ разсужденій, на мой взглядъ, была бы гибель не только солдата, но и самого Бисмарка, ибо вѣдь извѣстно, что изъ малодушныхъ людей, людей рефлексіи и нравственнаго компромисса, никогда не вырабатываются „великіе“, какимъ оказался Бисмаркъ... Еще примѣръ. Раскольниковъ, въ извѣстномъ романѣ Достоевскаго, несомнѣнно, не убилъ бы старухи, а вмѣстѣ съ нею и самого себя нравственно, если бы

не проникся утопически-соціалистическою мыслью путемъ преступленія осчастливить человѣчество...

Итакъ, не все равно,—о, далеко, не все равно!—подъ властью какихъ убѣжденій, безусловныхъ или условныхъ и подвижныхъ, человѣкъ въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. То же слѣдуетъ сказать и о всей вообще этикѣ и тактикѣ соціализма, какъ мы увидимъ это дальше.

Этими соображеніями я заканчиваю установку моей основной точки зрѣнія на вопросъ и перехожу къ деталямъ. И именно я предполагаю въ предстоящей лекціи разъяснить слѣдующія положенія:

а) Соціальный вопросъ не можетъ быть окончательно разрѣшенъ съ точки зрѣнія чисто *экономической* и долженъ быть перенесенъ на почву *нравственную*.

б) Многопринципная соціалистическая нравственность (этика), ни въ одномъ изъ своихъ взаимопротиворѣчивыхъ кодексовъ не можетъ служить надежною почвою для разрѣшенія соціальнаго вопроса, такъ какъ лишена характера всеобщей внутренней обязательности и, слѣдовательно, не можетъ содѣйствовать примиренію враждующихъ сторонъ.

в) Предлагаемый соціалистами проектъ новой организаціи общества, при которой бы уже не имѣли значенія и силы ни право личной собствен-

ности, ни право наслѣдованія, вслѣдствіе чего исчезло бы, будто бы, и такъ называемое „соціальное неравенство“,—этотъ проектъ долженъ быть рѣшительно осужденъ и отвергнутъ не только потому, что онъ есть очевиднѣйшая утопія, и не потому только, что уже самыя попытки къ его осуществленію грозили бы пониженіемъ и, можетъ быть, даже прямою гибелью, цивилизаціи и культурѣ, но также и потому, что онъ не имѣетъ для себя ни малѣйшаго нравственнаго оправданія.

Въ заключеніе лекціи я позволю себѣ предложить, въ предѣлахъ взятой мною для обсужденія темы, нѣсколько общихъ соображеній относительно практическихъ средствъ борьбы съ соціализмомъ.

II.

Политико-экономическая точка зрѣнія.

Ближайшій вопросъ, который, соотвѣтственно намѣченному плану, намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, можетъ-быть поставленъ такъ: возможно ли разрѣшеніе соціальной проблемы на чисто экономической почвѣ?

Начну съ фактовъ.

Въ Берлинѣ, почти въ самомъ его центрѣ, противъ монументальнаго зданія Рейхстага, лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ можно было раз-

личить, среди подавляющихъ громадою одностильныхъ зданій, маленькій домикъ, очень красивый совнѣ и уютно обставленный внутри. Это, такъ называемая, „образцовая“ постройка, т.-е. образецъ той хозяйственной постройки, какую на самыхъ льготныхъ условіяхъ,—дешево и съ разсрочкою,—обязывалась выстраивать частная, но состоявшая подъ покровительствомъ государства, компанія, каждому бѣдняку, скопившему хоть кое-что и желающему обзавестись собственнымъ очагомъ и осѣдлостью, на лонѣ благодѣтельной природы.

Вотъ одно изъ самыхъ элементарныхъ и простыхъ проявленій направленнаго на борьбу съ соціализмомъ современнаго „политическаго искусства!“

Этимъ путемъ надѣялись,—и это тогда была очень модная идея,—снова „національнизировать интернаціонализированные элементы“, т.-е. пролетаріатъ, задержать, хоть нѣсколько, „ненормально-усиленное стремленіе въ составъ соціалистической арміи“ и т. д. Разсчетъ, конечно, вѣрный! Дайте, въ самомъ дѣлѣ, рабочему, обреченному влачить бѣдственное существованіе по чердакамъ и подваламъ, дайте ему воздухъ, свѣтъ и надежный кровъ, на клокѣ собственной загородной земли, и вы предохраните его отъ нравственнаго и общественнаго одичанія. Вмѣстѣ съ любовью къ

домашнему очагу и *своему* углу, гдѣ рабочій могъ бы, хоть на время, забывать кошмарную атмосферу заводовъ и фабрикъ, въ его душу войдетъ снова любовь къ своей странѣ, и въ космополитѣ-интернаціоналистѣ пробудится человѣкъ, любящій свое отечество, въ отношеніи къ которому и онъ почувствуетъ себя живымъ членомъ. Эти идеи, говорю, были тогда чрезвычайно модными. Объ этомъ много говорили въ обществѣ и даже въ Рейхстагѣ. На проникновеніе этихъ идей въ сознаніе массъ, на эти маленькіе домики возлагались большія надежды. Собственныя хижины, какъ сказалъ одинъ изъ депутатовъ Рейхстага около того времени, можно сравнить съ бочками, на которыхъ утвержденъ мостъ въ гавани среди безпокойно волнующагося моря. А другой сказалъ приблизительно такъ: „сотня тысячъ такихъ твердыхъ пунктовъ въ странѣ обезпечила бы на зыбучемъ пескѣ движимой собственности надежный путь цивилизаціи“... Это, конечно, сказано нѣсколько изысканно, но въ сущности вѣрно *).

Теперь домика противъ Рейхстага, въ концѣ „Доротеенштрасе“, нѣтъ. Но идея, наглядным выраженіемъ и какъ бы воплощеніемъ которой онъ служилъ, осталась, и стоитъ проѣхаться хотя бы

*) См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ: *Западная дѣйствительность и русскіе идеалы*, 1894 г., письмо *четвертое*.

лишь по пригородамъ Берлина, чтобы убѣдиться, что она уже сдѣлала свое дѣло. Да и не только въ пригородахъ Берлина и другихъ большихъ городовъ, но и по всей Германіи тамъ и сямъ разбросаны, на всемъ ея пространствѣ, эти „якоря, прикрѣпляющіе кочевой людъ къ землѣ“ и отвлекающіе безпокойную бѣдноту изъ городовъ и иныхъ центровъ скопленія.

Этого мало. Идея не только привилась къ общественному сознанію, но выросла, развернулась и охватила болѣе широкій кругъ сродныхъ явленій.

Политическое искусство, опираясь на политико-экономическую науку, ставитъ себѣ теперь,—въ Германіи, да и вообще на Западѣ,—болѣе широкую задачу: не прикрѣпленіемъ только къ землѣ,—относительно большинства рабочихъ это прямо невозможно,—но вообще „пропорціональнымъ улучшеніемъ“ ихъ жизни и, въ частности, пробужденіемъ въ нихъ собственнаго личнаго экономическаго интереса къ промышленнымъ предпріятіямъ: вотъ чѣмъ, главнымъ образомъ, и только этимъ тамъ считаютъ возможнымъ предотвратить „соціальную катастрофу“ и міровой пожаръ, грозящій уничтожить современную культуру. Нужно, говорятъ, создать здоровое „среднее сословіе“, которое бы стояло между высшими классами общества и низшими, его подонками: вотъ современ-

ный идеалъ, можно сказать послѣднее слово современной научной политико-экономической мысли и вмѣстѣ задача современнаго политическаго искусства.

„Чѣмъ большее число лицъ“,—пишетъ одинъ изъ выдающихся современныхъ соціологовъ, Бернскій профессоръ, Людвигъ Штейнъ *),—„будетъ принадлежать къ этому среднему сословію и чѣмъ шире будетъ его экономическая основа, тѣмъ вѣрнѣе избѣжимъ мы опасности великаго мірового пожара, который можетъ уничтожить всю нашу, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную, культуру. Нѣтъ лучше защиты снизу, т.-е. противъ босяковъ (Lumpenproletariat) и противъ анархистовъ,—изъ разбойничьихъ правилъ Ринальдо-Ринальдини создавшихъ себѣ особую мораль,—какъ возможно большее по численности среднее сословіе, ростъ котораго фактически уже доказывается статистическими данными. Чѣмъ больше число лицъ, заинтересованныхъ въ существованіи современнаго экономическаго строя, тѣмъ меньше опасность его ниспроверженія“.

Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ, совсѣмъ недавнемъ **), тотъ же соціологъ, ставя вопросъ на

*) Людвигъ Штейнъ, *Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія*, стр. 549.

**) Ludwig Stein, Der Sinn des Daseins (1904), ss. 355—6, 389—398.

психологическую почву, высказывается еще рѣшительнѣе и придаетъ только что выставленному положенію центральное значеніе въ вопросѣ о соціальномъ умиротвореніи современныхъ обществъ и государствъ.

Нужно создать, разсуждаетъ онъ, во что бы то ни стало, такъ сказать *рабочую аристократію*, которая бы служила оплотомъ противъ разрушительныхъ стремленій одичалаго пролетаріата. Если бы, думаетъ онъ, рабочее сословіе имѣло возможность дѣлать сбереженія, то оно имѣло бы въ нихъ, что терять и что защищать. Оно, слѣдовательно, было бы само заинтересовано въ сохраненіи государственнаго status quo, т.-е. современнаго экономическаго строя. Бѣлый невольникъ, которому терять рѣшительно нечего, всегда ворчливъ и настроенъ революціонно. Напротивъ, рабочій какого-нибудь Круппа, имѣющій возможность ежегодно „откладывать“, пусть и маленькія суммы, болѣе уже не опасенъ для общества, такъ какъ его частные интересы совпадаютъ съ государственными. Еще Фихте старшій справедливо замѣтилъ: нужно сдѣлать каждаго гражданина собственникомъ, и тогда каждый будетъ заинтересованъ въ сохраненіи государственнаго строя жизни. Между господствующими классами и внѣклассовымъ одичалымъ пролетаріатомъ: бродягами, безработными, поденщиками и т. д., долженъ стоять промежу-

точный слой, образованный изъ обученныхъ „квалифицированныхъ“ работниковъ, т.-е. именно рабочая аристократія: этого не только требуетъ инстинктъ общественнаго самосохраненія, но къ этому ведетъ и законъ исторической непрерывности въ развитіи общественныхъ формъ. Какъ прежде второе сословіе служило оплотомъ противъ третьяго, а потомъ третье стало служить оплотомъ противъ четвертаго, такъ теперь уже четвертое должно служить какъ бы брандмауеромъ противъ пятаго сословія, уже нарождающагося, противъ босячествующаго пролетаріата, — подобно тому, какъ буржуазія, или такъ называемое мѣщанское царство, уже давно служитъ такимъ брандмауеромъ въ отношеніи къ соціалъ-демократіи. Именно этою смѣною втораго сословія третьимъ, третьяго четвертымъ, при сохраненіи ихъ относительной роли, опредѣляется, по Штейну, все движеніе исторіи въ направленіи къ соціальному оптимизму. Но для образованія „рабочей аристократіи“ нужно именно заинтересовать рабочихъ *экономически* въ наличномъ строѣ общественно-государственной жизни. Только этимъ путемъ можетъ быть созданъ новый типъ рабочаго. Да уже и создается. Историческая тенденція, пока еще не ясно и не отчетливо сознанная, работаетъ именно въ этомъ направленіи. Происходитъ постепенная „аристократизація рабочей массы“, нарождается,—какъ

Библиотека-чит
им. Я. М. Свер

ни странно звучитъ это сочетаніе терминовъ,— *аристократическая демократія!*

Цѣлый рядъ соціологовъ (Юлій Вольфъ, Бернштейнъ, фонъ-Ностицъ и др.) констатируетъ этотъ фактъ, довершающій разрушеніе Марксо-Энгелевской теоріи о „прогрессирующемъ обѣдненіи", даже прямо будто-бы обнищаніи рабочихъ массъ. Съ особенною ясностію этотъ процессъ „аристократизаціи рабочихъ" мы можемъ наблюдать въ Англіи, какъ это убѣдительно, при помощи точныхъ статистическихъ данныхъ, показалъ фонъ-Ностицъ *). Вслѣдствіе повсюднаго въ Англіи возвышенія заработной платы на 50 и даже 100 процентовъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе учрежденія постоянно растущихъ товариществъ и развитія другихъ видовъ взаимопомощи, тамъ за послѣднее время быстро растетъ численно, въ непрестанно расчленяющемся рабочемъ классѣ, „рабочая аристократія", составляющая уже болѣе четверти всѣхъ рабочихъ. Но то же, что мы видимъ въ крупныхъ, невольно обращающихъ на себя вниманіе, чертахъ въ Англіи,— то-же самое повсюду замѣчается и въ другихъ культурныхъ странахъ. И это расчлененіе четвертаго класса на четвертый и пятый, по согласному заключенію

*) Hans von-Nostitz. Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England, ein Beitrag zur socialen Geschichte d. Gegenwart. 1900.

соціологовъ названной группы, есть наилучшее средство соціальнаго умиротворенія обществъ и государствъ, ибо,—разсуждаютъ они,—чѣмъ больше въ томъ или другомъ обществѣ въ средѣ рабочихъ такихъ аристократовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго экономическаго порядка, тѣмъ болѣе общество будетъ застраховано противъ соціальныхъ катастрофъ всякаго рода.

Итакъ, въ цѣляхъ общественно-государственнаго самосохраненія, нужно, прежде всего, создать „рабочую аристократію“ и заботиться о все большемъ и большемъ увеличеніи ея кадровъ, путемъ „пропорціональнаго улучшенія“ матеріальнаго положенія рабочихъ, такъ какъ „рабочая аристократія“ уже сама будетъ заинтересована въ сохраненіи основъ современнаго экономическаго положенія: вотъ послѣднее слово экономической политики, какъ искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ основныхъ современныхъ политико-экономическихъ *теоремъ*, которую нѣкоторые соціологи готовы возвести даже на степень *аксіомы*.

Нѣтъ, конечно, ни побужденій, ни даже просто возможности оспаривать эту „аксіому“, такъ какъ она покоится на безспорныхъ фактахъ и, въ сущности, есть не что иное, какъ ихъ обобщеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣдь воочію видимъ, что страны, со здоровымъ среднимъ классомъ,—Анг-

лія, Швейцарія, Скандинавскія государства, Голландія,—гораздо болѣе обезпечены противъ насильственнаго потрясенія общественнаго строя, чѣмъ другія страны, что, между прочимъ, выражается и въ томъ, достойномъ всякаго вниманія, фактѣ, что въ парламентахъ этихъ странъ,—особенно, напримѣръ, въ Англіи и Швейцаріи,—засѣдаетъ наименьшее, и относительно и абсолютно, число соціалистическихъ депутатовъ. А въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ рабочіе поставлены въ особенно благопріятныя, прямо, можно сказать, исключительныя, по заключенію Зомбарта, условія,—тамъ для соціализма и для соціалистическихъ агитаторовъ, именно по этому самому, вообще не остается простора, а иногда даже и мѣста.

Итакъ, говорю, если угодно, мы имѣемъ предъ собою въ собственномъ смыслѣ „экономическую аксіому".

Однако, въ качествѣ моралиста и аналитика-теоретика, для котораго экономическая точка зрѣнія на вопросъ не есть единственная, я позволю себѣ замѣтить, что *эта „аксіома" все же имѣетъ лишь условное значеніе*,—можетъ быть, болѣе условное, чѣмъ какъ это кажется съ перваго взгляда.

Не вдаваясь въ общія разсужденія, я заставлю противъ фактовъ одного порядка, на которыхъ основываютъ приведенную „аксіому" ея защитни-

ки, говоритъ факты другого порядка, настоятельно требующіе ея ограниченія.

Извѣстный французскій соціологъ Густавъ Ле-Бонъ, въ своей замѣчательной книгѣ *Психологія соціализма*, развиваетъ мысли, сродныя тѣмъ, съ какими мы только что ознакомились. Онъ также думаетъ, что необходимо, прежде всего, матеріально заинтересовать рабочихъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ они работаютъ, т.-е. именно создать рабочую аристократію. И онъ указываетъ нѣсколько формъ „ассоціаціи интереса“: участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, анонимныя акціонерныя общества, съ маленькими— приблизительно по 25 франковъ — паями и т. д. Онъ думаетъ, что эти и подобныя формы „ассоціаціи интереса“ могли бы много содѣйствовать соціальному умиротворенію обществъ.

„Въ тотъ день“—пишетъ онъ *),—„когда всякій рабочій, посредствомъ пріобрѣтенія акцій, станетъ анонимнымъ собственникомъ, заинтересованнымъ въ предпріятіи, гдѣ онъ работаетъ,—въ тотъ день будетъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ. Быть можетъ, только путемъ такого плодотворнаго метода совершится экономическая эмансипація рабочихъ классовъ, если только она возможна, и только такимъ путемъ немного сгладится есте-

*) Стр. 119—120.

ственное и соціальное неравенство... Въ тотъ день, когда возникнутъ такія предпріятія, рабочимъ, повидимому, вовсе не на что будетъ роптать, потому что они будутъ у себя дома и работать будутъ на себя. Рабочій, который по какой-либо причинѣ захотѣлъ бы перейти на другой заводъ, могъ бы продать свои акціи и быть вполнѣ свободнымъ".

Вотъ какія свѣтлыя надежды возлагаетъ Густавъ Ле-Бонъ на „ассоціаціи интересовъ!" И онъ называетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ предпріятій подобнаго рода, въ которыхъ дѣло, повидимому, идетъ достаточно хорошо... Однако, при всемъ томъ, онъ не можетъ не видѣть и обратной стороны медали и говоритъ о ней очень ясно и убѣдительно.

Вотъ что онъ пишетъ немного далѣе:

„Главная опасность всѣхъ этихъ обществъ (на паяхъ, съ участіемъ въ прибыляхъ и т. д.) заключается въ томъ, что участіе въ доходахъ подразумѣваетъ также участіе въ убыткахъ, по необходимости случающихся въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Пока есть доходъ, общинники во всемъ сходятся. Но какъ только начинаются убытки, согласіе, обыкновенно, очень скоро нарушается. Америка дала недавно поразительное доказательство этого. Разрушеніе пожаромъ гигантскихъ заводовъ компаніи Пульмана въ Америкѣ и по-

слѣдовавшій затѣмъ грабежъ и дикій вандализмъ ясно указываютъ на судьбу, постигающую подобныя крупныя предпріятія въ случаѣ, если имъ не сопутствуетъ успѣхъ.

„Компанія Пульмана выстроила для своего производства огромныя мастерскія, въ которыхъ работало 6000 человѣкъ; для этихъ рабочихъ и для ихъ семей она отстроила хорошенькій городокъ съ 13000 жителей, пользовавшійся всѣми удобствами современнаго комфорта: большимъ паркомъ, театромъ, библіотекой и т. д. Дома въ городѣ могли быть пріобрѣтаемы только рабочими, которые становились ихъ собственниками посредствомъ незначительныхъ ежегодныхъ взносовъ.

„Пока дѣла шли хорошо, царствовалъ миръ и изобиліе. За нѣсколько лѣтъ рабочими внесено было въ различные банки около четырехъ милліоновъ франковъ.

„Между тѣмъ число заказовъ уменьшалось, въ силу пониженія доходовъ желѣзнодорожныхъ компаній, кліентовъ завода, и фирма Пульмана, чтобы не работать въ убытокъ при наличности прежняго числа рабочихъ, принуждена была уменьшить заработную плату и понизить ее съ 11 франковъ до семи съ половиною въ день. Это вызвало настоящую революцію. Заводы были разграблены и сожжены, рабочіе образовали стачку, которая распространилась даже на желѣзныя дороги и

привела къ такимъ сценамъ рѣзни и разрушенія, что президентъ штатовъ Кливлендъ принужденъ былъ объявить страну на военномъ положеніи. Только пушки положили конецъ бунту“ *).

Вотъ какъ, слѣдовательно, непорочна связь *на чисто экономической почвѣ*, на почвѣ исключительно экономическихъ интересовъ!

Предъ горящими зданіями своихъ заводовъ Пульманъ, замѣчаетъ Ле-Бонъ, пріобрѣлъ,—увы! слишкомъ поздно,—практическія свѣдѣнія изъ психологіи, за недостатокъ которыхъ онъ дорого поплатился, какъ, впрочемъ, и его рабочіе-пайщики.

Да и вообще положеніе хозяевъ, при условіи такихъ ассоціацій, крайне незавидно.

Цитируемый, нѣсколько дальше въ книгѣ Густава Ле-Бона, соціологъ Барту пишетъ объ этомъ такъ:

„Не выходя изъ-подъ угрозъ законовъ, охраняющихъ свободу синдикатовъ, рискуя подвергнуться легальнымъ грубостямъ и заключенію, не пользуясь никакимъ вліяніемъ или авторитетомъ среди рабочихъ, отягощенные взносами въ различныя вспомогательныя кассы на случай безработицы, несчастія, болѣзни и старости, не имѣя возможности отнести эти взносы на счетъ зара-

*) Стр. 121—2.

ботанной платы по причинѣ ихъ большого размѣра, что вызвало бы народное возстаніе, истощаемые, наконецъ, прогрессивнымъ налогомъ на капиталъ, пріобрѣтенный цѣной всѣхъ этихъ трудностей и униженій, будучи хозяевами лишь по имени и еще для того, чтобы подвергаться риску и несчастнымъ случайностямъ,—хозяева, люди стоящіе во главѣ промышленныхъ предпріятій, обезкураженные, отрекутся, сложатъ все съ себя или, по крайней мѣрѣ, будутъ работать вяло, нерѣшительно, уклоняясь отъ своей задачи, какъ сборщики податей въ послѣдніе годы Римской имперіи".

Итакъ, и рабочая аристократія осталась недовольна, и хозяева-предприниматели также недовольны. Вмѣсто искомой и ожидаемой „гармоніи интересовъ", оказалась ожесточенная, непримиримая вражда и рознь.

Только что сказанное въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ вполнѣ примѣнимо и къ общему положенію вещей: доколѣ будутъ надѣяться устроить жизнь и общественныя отношенія на чисто *экономической* основѣ, т.-е. на солидарности матеріальныхъ интересовъ,—дотолѣ въ результатѣ всегда и повсюду будутъ рознь и борьба. Это лежитъ въ самой природѣ интереса, какъ одного изъ проявленій эгоизма и корысти. Вѣдь люди, проникнутые этими мотивами и стимулами, всегда слишкомъ требовательны и обидчивы!

Скажутъ:

Но это потому такъ, что теоретики-экономисты, на которыхъ вы ссылаетесь, не достаточно радикальны, а если бы они послѣдовали указаніямъ соціалистовъ и рекомендовали бы устроить общественную жизнь, согласно съ соціалистическими идеалами и требованіями, то рано или поздно борьба непремѣнно смѣнилась бы миромъ и гармоніею,—виноватъ-де во всемъ современный режимъ и общественный строй.

Допустимъ.

Но, во-первыхъ, гдѣ остановиться такъ, чтобы былъ *совершенно исключенъ* личный интересъ? *Умѣренные* или, такъ называемые, *нейтральные* соціалисты, дозволяя пользоваться, какъ личною собственностію, продуктами производства, требуютъ лишь обобществленія, то-есть обращенія въ общую собственность, орудій производства... Но, какъ убѣдительно разъяснено уже, съ этой же каѳедры, однимъ изъ предшествующихъ лекторовъ (Л. Н. Вороновымъ), этимъ вѣдь предполагается существованіе арміи чиновниковъ для управленія „орудіями“ и для организаціи труда, чѣмъ дается масса поводовъ къ недовольству. Соціалисты *радикальные* требуютъ обобществленія и продуктовъ... Но тѣмъ самымъ они обнаруживаютъ наклонъ къ коммунизму, который не довольствуется и этимъ, но требуетъ, чтобы все—до женъ и дѣтей вклю-

чительно—было общее. Однако, на этотъ разъ уже сама исторія даетъ отрезвляющій и глубоко-поучительный урокъ: всѣ опыты коммунистическаго соціализма, какъ говоритъ она, были чрезвычайно недолговѣчны: недостатокъ разумнаго руководства коммунистическими общинами, а еще болѣе взаимная рознь и вражда между коммунарами вели обыкновенно къ распаду общинъ. Спуститься ли, ввиду этого, еще ступенью ниже, уже къ совсѣмъ крайней формѣ соціализма,—къ анархизму?.. Однако, вѣдь, и анархисты не могутъ же совсѣмъ порвать со всякою общественною организаціею и притти къ культу атомистическаго индивидуализма: и они, дѣйствительно, вовсе не стремятся упразднить всякую вообще общественную организацію, но стремятся лишь къ тому, чтобы превратить человѣчество въ хаосъ мелкихъ, совершенно самостоятельныхъ (автономныхъ) и самоуправляющихся общинъ. Значитъ и они удерживаютъ и интересъ, и власть, и борьбу.

Вообще ясно, что, гдѣ бы на этой нисходящей лѣстницѣ ни остановиться, мы вездѣ встрѣтимъ борьбу,—доколѣ остаемся на чисто-экономической почвѣ, съ ея мнимою гармоніею интересовъ. Въ соціализмѣ нейтральномъ остается—пусть и въ скромныхъ предѣлахъ—личная собственность: значитъ въ немъ дано и начало борьбы. Въ соціализмѣ радикальномъ и коммунизмѣ есть принуж-

деніе: значитъ, остается мѣсто недовольству и ропоту. Наконецъ,—даже и въ анархизмѣ поводы къ раздорамъ не только не будетъ устранены, но даже будутъ и еще усилены, удвоены и утроены. Вѣдь каждая отдѣльная община, въ самомъ дѣлѣ, и при анархическомъ строѣ, должна же быть организована, то-есть, какъ уже сказано, должно быть въ ней раздѣленіе общественныхъ занятій, а, слѣдовательно, и правъ и власти. Съ другой стороны, взаимное отношеніе отдѣльныхъ обществъ также предполагаетъ нѣкоторую общую власть, такъ что они образовали бы нѣчто въ родѣ союзнаго государства. А безъ этого, гдѣ ручательство мира между ними? Но, если,—что весьма вѣроятно, болѣе, чѣмъ вѣроятно,—если между анархическими общинами будетъ борьба изъ-за экономическихъ интересовъ, то столь вожделѣнный для анархистовъ идеалъ свободы безвластія будетъ несравненно хуже, чѣмъ современное не-идеальное состояніе обществъ, такъ какъ въ теперешнихъ обществахъ междоусобная война является, по крайней мѣрѣ, лишь въ формѣ печальныхъ и сравнительно рѣдкихъ исключеній, а тогда, при всеобщемъ безвластіи, она, весьма вѣроятно, будетъ постоянною и хроническою, охватывая притомъ не только отдѣльныхъ лицъ, эти „соціальные атомы“, но и цѣлыя общества.

Итакъ, какъ бы мы ни переставляли точку

зрѣнія, но, пока мы остаемся на почвѣ чистой экономики, то борьба за лучшее существованіе, борьба интересовъ, со всѣми ея слѣдствіями, примѣры которыхъ мы уже видѣли въ малыхъ масштабахъ, останется печальнымъ и неустранимымъ закономъ жизни.

Это во-первыхъ.

Далѣе. При вдумчивомъ отношеніи къ вопросу, нельзя не замѣтить, что, пока соціализмъ остается на чисто-экономической почвѣ, и думаетъ устроить „нормальное общество“ путемъ установки гармоніи интересовъ, то его протесты противъ эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными, его призывы къ справедливости и миру становятся въ очевидное противорѣчіе и со ставимою имъ конечною цѣлію жизни и съ его исходною точкою.

Въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ говоритъ своему послѣдователю какъ бы такъ: „твое высшее благо, цѣль твоей жизни есть твое *личное* матеріальное благосостояніе; но ты не долженъ стремиться къ личному обогащенію, а долженъ содѣйствовать достиженію матеріальнаго благосостоянія *всѣхъ*“. Однако,—какъ же это такъ? Вѣдь, если я долженъ жертвовать своимъ личнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ во имя общаго матеріальнаго блага, тогда, значитъ, невѣрна ставимая соціализмомъ конечная цѣль моей жизни, то-есть—что

мое высшее благо есть мое личное матеріальное благополучіе. Противорѣчіе очевидное!

Съ другой стороны, соціализмъ говоритъ своему послѣдователю какъ бы такъ: „человѣкъ есть лишь производитель и потребитель экономическихъ цѣнностей, чѣмъ и опредѣляется его собственная цѣнность, а человѣческое общество есть не что иное, какъ чисто-хозяйственный союзъ: но ты все-таки не долженъ смотрѣть на другого, какъ на производителя и потребителя только и потому не долженъ его эксплуатировать". И опять спрашивается: но, почему же такъ? Разъ человѣкъ есть не болѣе, какъ производящая матеріальныя блага сила, чисто-экономическая единица, то почему я не долженъ смотрѣть на него именно съ этой точки зрѣнія и не пользоваться этою силою, когда то мнѣ выгодно и содѣйствуетъ достиженію мною той самой цѣли, какую ставитъ мнѣ самъ же соціализмъ?.. Возставать противъ экономической эксплуатаціи другого и не признавать за этимъ другимъ никакой *безусловной* цѣнности, которая бы не позволяла пользоваться имъ, какъ орудіемъ или средствомъ обогащенія,— это очевидное противорѣчіе *).

Итакъ, что-нибудь одно: или мы должны при-

*) См. объ этомъ подробнѣе у Влад. Соловьева въ его *Критикѣ отвлеченныхъ началъ*, главы XIV—XVII,

мириться съ борьбою интересовъ и всѣми ея слѣдствіями, до взаимной эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными включительно, или—должны сойти съ экономической точки зрѣнія, какъ недостаточной и самопротиворѣчивой, на другую, высшую.

Но на какую же?

Есть только одинъ единственный выходъ изъ противорѣчія между личнымъ и общимъ интересомъ, обусловливающаго экономическую рознь и борьбу: это—*свободный отказъ отъ безчеловѣчной эксплуатаціи, отказъ во имя признанія со стороны каждаго за другимъ безусловной личной цѣнности, не позволяющей разсматривать человѣка въ качествѣ средства для обогащенія.* Моя обязанность, мой долгъ, мое личное внутреннее самоограниченіе,—вотъ *право* другого! И только на этой почвѣ, дѣйствительно, возможна „гармонія интересовъ“ и „соціальное умиротвореніе“.

Такая постановка дѣла переводитъ уже насъ, въ изслѣдованіи нашего вопроса, съ почвы политико-экономической на нравственно-правовую, къ чему мы и обратимся въ ближайшей главѣ.

Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, позволю себѣ еще разъ и точнѣе опредѣлить, въ какое отношеніе, въ качествѣ моралиста и теоретика, я становлюсь къ той теоремѣ или, если угодно, аксіомѣ, которую политико-экономисты выставля-

ютъ въ качествѣ главнаго аргумента противъ правовѣрнаго марксизма, грозящаго обществу прогрессирующимъ обнищаніемъ рабочихъ и потомъ, именно вслѣдствіе этого, революціею,—то-есть къ ученію о гармонизаціи экономическихъ интересовъ и „рабочей аристократіи“. Я отнюдь не отвергаю ея,—о, нѣтъ, я далекъ отъ мысли объ этомъ! Совершенно напротивъ: эта аксіома и для меня служитъ надежнымъ исходнымъ пунктомъ. Но я утверждаю, что пока эта аксіома берется безусловно, то-есть оторванно отъ задачъ совсѣмъ другого порядка, именно отъ задачъ нравственнаго воспитанія народныхъ массъ, когда *одно изъ условій* жизни, ея матеріальная основа, ставится *верховною цѣлью* жизни, тогда эта аксіома неизбѣжно и всегда будетъ обманывать возлагаемыя на нее надежды и въ большей или меньшей степени разочаровывать. Ибо надъ экономическими интересами лежатъ интересы болѣе глубокіе—интересы нравственные и вообще духовные.

Вотъ объ нихъ то теперь и будетъ моя рѣчь.

III.

Нравственная точка зрѣнія.

Долгъ, обязанность!.. О, какъ далеки эти слова отъ современнаго слуха!..

„Накорми, а потомъ и спрашивай добродѣтели“:

такъ, по словамъ Великаго Инквизитора въ извѣстномъ романѣ Достоевскаго, напишутъ на своемъ знамени тѣ, которые возстанутъ противъ Хлѣба Небеснаго во имя хлѣба земнаго. „Накормите, а потомъ и спрашивайте добродѣтели“,— повсюду разносится и теперь. А если вы, не подумавъ о томъ и не указавъ, какъ накормить, станете—съ голодными—разсуждать о желательныхъ съ ихъ стороны добродѣтеляхъ, станете говорить имъ о долгѣ и обязанностяхъ, то вамъ сейчасъ же напомнятъ,—напримѣръ изъ *Рабочаго вопроса* Ланге,—анекдотъ о томъ лицемѣрномъ пасторѣ, который, чокаясь шампанскимъ съ богатымъ сосѣднимъ помѣщикомъ, утѣшалъ стоящаго въ сторонѣ голоднаго школьнаго учителя обѣщаніемъ внутренняго удовлетворенія и загробнаго вознагражденія за добросовѣстную педагогическую дѣятельность или—что-нибудь другое въ томъ же родѣ... Съ этими фактами моралисту волей-неволей приходится считаться. Тутъ вопросъ идетъ уже не о нравственной правдѣ, но прежде всего о соціально-педагогическомъ тактѣ.

У одного изъ нашихъ беллетристовъ есть прекрасный и поучительный, именно въ этомъ смыслѣ, разсказъ изъ сибирской жизни, въ которомъ, въ цѣломъ рядѣ фактовъ, онъ показываетъ, какъ, при низкихъ температурахъ, „замерзаетъ совѣсть“, переставая реагировать уже на самые возмути-

тельные факты. То же дѣйствіе имѣютъ, безъ сомнѣнія, и другія чрезмѣрныя физическія депрессіи, а между ними и голодъ. Вотъ гдѣ правда и оправданіе невольнаго крика голодныхъ: „накорми, а потомъ и спрашивай!“... И какъ въ самомъ дѣлѣ, безъ этого, безъ заботы о накормленіи, подобрать соотвѣтствующій тонъ? Какъ найти доступъ въ душѣ? Представьте себѣ, что человѣкъ, сидящій у большого зеркальнаго окна за столомъ, уставленнымъ изысканными винами и яствами, увидавъ чрезъ окно толпу голодныхъ бѣдняковъ, сталъ бы ей проповѣдывать о терпѣніи и проч.,—гдѣ онъ нашелъ бы слова, которыя не отлетали бы снова къ нему, но уже насыщенныя недовѣріемъ, ненавистью и завистью? Или если бы, положимъ, человѣкъ, несущійся на бѣшенныхъ коняхъ въ загородный ресторанъ, остановилъ бы вдругъ лошадей и сталъ призывать къ терпѣнію изнемогающаго подъ тяжестью непосильной ноши пѣшехода, указаніемъ на то, что „такова его доля“—развѣ не было бы это жесточайшею обидою и издѣвательствомъ?.. Бываютъ вообще положенія, когда языкъ буквально прилипаетъ къ гортани и когда, какъ свистъ бича или ударъ молота, раздается въ ушахъ укоризненный голосъ: „накорми, а потомъ и спрашивай“...

Бываютъ положенія, когда не только безполез-

но, но прямо жестоко было бы взывать къ нравственному сознанію другого, не заглянувъ, прежде всего, въ свое собственное. И вотъ что именно сообщаетъ такую удивительную, воистину огненную и прожигающую, силу гуманистамъ-проповѣдникамъ всѣхъ временъ отъ св. Златоуста до Рёскина и Карлэйля и имъ подобныхъ, когда они возстаютъ противъ людей, праздно-роскошествующихъ и дѣлающихъ изъ жизни сплошной праздникъ.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, имѣть совершенно отяжелѣвшій слухъ, чтобы оставаться глухимъ къ такимъ, напримѣръ, словамъ Рёскина:

„Всѣ вы, кушающіе роскошные обѣды, призовите съ большой дороги бродягу и раздѣлите съ нимъ вашу трапезу, и тогда вы понемногу начнете понимать, какимъ образомъ вашъ братъ сдѣлался бродягой и тогда вы сдѣлаете вашу трапезу простой до тѣхъ поръ, пока трапеза бѣдняка не будетъ изобильной—*или вы не христіане!* Вы, одѣвающіеся въ изящныя одежды, надѣньте блузы и передники до тѣхъ поръ, пока бѣдные не будутъ одѣты красиво и прилично—*или вы не христіане!* Вы, поющіе и играющіе на инструментахъ, повѣсьте ваши арфы при рѣкахъ, которыя вы осквернили или идите къ безумнымъ, гнуснымъ и глухимъ, которыхъ вы сдѣлали такими, и влей-

ѣе въ ихъ души ваши мелодіи—*или вы не христіане!*“ *).

Или, какъ можно закрыть свой слухъ предъ этимъ, напримѣръ, призывомъ другого моралиста:

„Вотъ человѣкъ, который имѣетъ претензію жить въ роскошномъ помѣщеніи, защищенный отъ всякаго труда, отъ нужды, опасностей, безпокойствъ... Таковъ, думаетъ онъ, законъ вселенной, что на него одного изо всѣхъ рѣшительно людей не возложено никакой задачи, кромѣ задачи съѣдать приготовленную для него пищу и не выбрасываться изъ окошка... Никогда не было видано болѣе страннаго зрѣлища подъ луной. А между тѣмъ это—дѣйствительный фактъ!.. О, больной братъ мой, ты, какъ это часто бываетъ въ больницахъ, грезишь о раѣ и Эльдорадо, которые далеки отъ тебя. Ты говоришь: развѣ я не могу дѣлать съ моей собственностью, что мнѣ угодно?..—Милосердныя Небеса, — братъ мой! То, что ты видишь твоими больными глазами, есть не твердое Эльдорадо и не рай ничего-недѣланія, а лихорадочныя грезы твоего мозга... Нѣтъ—благородство не въ этомъ. Благородство искони заключалось въ мужественномъ страданіи за другихъ, а не въ лѣнивомъ

---

*) Fors, письмо LXXXII, цит. у Гобсона, въ его книгѣ: *Джонъ Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ* (М. 1899, перев. Николаева), стр. 199.

принужденіи другихъ страдать за насъ. Всякій благородный вѣнецъ былъ и всегда будетъ вѣнцомъ терновымъ. Зачѣмъ была бы дана намъ наша жизнь, если не затѣмъ, чтобы мы могли мужественно отдать ее? Спустись, о ничегонедѣлающая пышность,—покинь твои пуховыя подушки; допусти себя понять, что чувствуютъ несчастные и какъ этому помочь. Русскій Царь сдѣлался запыленнымъ корабельнымъ мастеромъ, самъ работалъ топоромъ на Саардамскихъ верфяхъ; а его задача была мала въ сравненіи съ твоей. Спустись: возьмись за этотъ ужасный живой хаосъ невѣжества и голода, валяющихся у твоихъ ногъ; скажи: „я хочу исцѣлить его, или—смотрите—я первый умру за него“. Таковъ, поистинѣ, законъ. Всегда и вездѣ человѣкъ долженъ *платить* своею жизнью,—исполнять свой трудъ, какъ то дѣлаетъ солдатъ, за счетъ своей жизни“ *).

Вотъ краснорѣчивое и вмѣстѣ глубоко смущающее слово!

И если бы эти и подобные предостерегающіе голоса возможно глубже проникали въ сознаніе имущихъ классовъ, то это не только содѣйствовало бы, какъ, быть можетъ, никакая другая мѣра, соціальному умиротворенію обществъ, но и самихъ ихъ предохраняло бы отъ духовнаго, и даже

*) Карлэйль (*Теперь и прежде*).

физическаго, измельчанія. Ибо ничто, какъ извѣстно, такъ не разжигаетъ классовую борьбу, какъ чувство зависти къ подчеркнутой роскоши, сознающей свои мнимо-безусловныя права, и ничто, съ другой стороны, такъ не изнѣживаетъ и не разслабляетъ, физически и духовно, какъ обращеніе жизни въ вѣчный праздникъ, со всѣми излишествами...

Въ наученіе же тѣмъ, чей слухъ остался бы закрытымъ для подобныхъ требованій элементарной морали, тотъ же моралистъ, слова котораго я только что привелъ, разсказываетъ одну, въ высокой степени поучительную, мусульманскую басню.

„На берегахъ Мертваго моря (Асфальтоваго озера)“,—таковъ этотъ разсказъ,—„жило нѣкогда одно племя людей. Забывъ, какъ и мы всѣ слишкомъ къ тому склонны, внутренніе факты (законы и факторы) природы и поддавшись ея поддѣлкамъ и внѣшнимъ подражаніямъ, они попали въ печальныя обстоятельства, поистинѣ направившись къ нѣкоторому, гораздо болѣе глубокому озеру. Вслѣдствіе этого, благому Небу угодно было послать имъ Пророка Моисея съ назидательнымъ словомъ предостереженія, изъ котораго могло проистечь немало лѣчебныхъ мѣръ. Но люди Мертваго моря не нашли въ Моисеѣ никакой пріятности, какъ это всегда дѣлаетъ холопскій родъ съ геро-

ями и пророками. Они слушали Моисея съ видимымъ отвращеніемъ, съ легкими гримасами, скучающимъ сопѣніемъ и фырканіемъ, ясно показывая, что находятъ его обманщикомъ и надоѣдливымъ...

„Моисей удалился. Но природа и ея строгая правдивость не удалились. Люди Мертваго моря, въ слѣдующій разъ, какъ мы пріѣхали навѣстить ихъ“,—продолжаетъ легенда-сказка,—„были всѣ... превращены въ обезьянъ... Теперь они сидѣли на деревьяхъ, гримасничали самымъ ненапускнымъ образомъ, лопотали и стрекотали самую настоящую безсмыслицу и находили, что весь міръ—безспорный обманъ. Для этихъ обезьянъ, которыя считали міръ обманомъ, онъ таковымъ и сдѣлался. И вотъ онѣ сидятъ и лопочутъ до настоящаго часа, и только, кажется, по субботамъ къ нимъ возвращается удивленное полусознаніе, полувоспоминаніе, и онѣ сидятъ съ высохшими, закоптѣлыми лицами и съ такимъ видомъ высочайшаго трагизма, на какой только способны обезьяны. Онѣ смотрятъ своими моргающими, мутными отъ дыма, глазами въ самыя удивительныя всеобщія дымныя сумерки и неразбираемый безпорядочный сумракъ вещей. И онъ для нихъ—полная неопредѣленность и непонятность. А какъ комментарій ко всему этому, время отъ времени слышатся ихъ немузыкальное стрекотанье и мяуканье... Эти люди, превращен-

ные въ обезьянъ, не сдѣлали никакого употребленія изъ своихъ душъ и поэтому потеряли ихъ. Ихъ богослуженіе состоитъ теперь по субботамъ въ томъ, чтобы сидѣть на вѣтвяхъ съ немузыкальными криками и наполовину припоминать, что у нихъ были души... Не встрѣчался ли“,—спрашиваетъ нашъ моралистъ въ заключеніе своей поучительной сказки,—„не встрѣчался ли ты когда-нибудь, о путешественникъ, съ образчиками этого племени?.. Мнѣ кажется, они стали довольно многочисленны въ наши дни“.

О, да,—„они стали довольно многочисленны въ наши дни“, потому что забвеніе законовъ настоящей, истинно-человѣческой жизни стало обычнымъ явленіемъ не только среди представителей того племени, о которомъ, очевидно, говоритъ эта мусульманская сказка, но и среди всѣхъ тѣхъ, кто проникнутъ тѣмъ же духомъ, что и они, духомъ своекорыстія, меркантилизма и мамоны. А такихъ,—увы!—легіонъ!

И вотъ гдѣ одно изъ главнѣйшихъ препятствій соціальнаго умиротворенія!

Къ счастію для человѣчества, несмотря на моральную косность физическихъ и духовныхъ обитателей окрестностей Мертваго моря, прогрессирующихъ развѣ лишь въ служеніи мамонѣ, нравственныя начала жизни,—отчасти и подъ вліяніемъ соціальнаго движенія, не будемъ отрицать

этого!—особенно за послѣднее время, не только начинаютъ проникать въ общественное сознаніе, но проявляться и на практикѣ. Чисто экономическая теорія „гармоніи интересовъ“,—гармоніи, какъ я сказалъ выше, весьма сомнительной и во всякомъ случаѣ неустойчивой,—все болѣе и болѣе уступаетъ теперь мѣсто или, точнѣе. все болѣе и болѣе дополняется теперь другою теоріею, теоріею такъ называемою „каритативною“ (о ней говорилъ здѣсь одинъ изъ предшествующихъ лекторовъ), которая полагаетъ въ основу рѣшенія соціальной проблемы не только начала экономическія, но и нравственныя, начала христіанской любви и сострадательности къ трудящимся, требуя отъ общества и государства заботъ о немощныхъ и старыхъ, о всѣхъ лишенныхъ способности трудиться и, особенно, о всѣхъ, уже достаточно въ своей жизни потрудившихся. Фабіанцы и гуманисты всякихъ оттѣнковъ много уже сдѣлали и—можно надѣяться—сдѣлаютъ еще больше въ этомъ направленіи. Подъ вліяніемъ этой новой организаціонной идеи, „рабочая аристократія“, можно надѣяться, сдѣлается дѣйствительной гарантіей соціальнаго мира—не потому только, что она будетъ *заинтересована* въ его сохраненіи (это, какъ мы видѣли, гарантія чрезвычайно условная!), но и потому, что будетъ связана съ другими классами общностью моральныхъ идеаловъ и стремленій, то-есть связью

болѣе прочною, чѣмъ хрупкія и постоянно порывающіяся нити матеріальнаго интереса, то-есть въ сущности эгоизма. Пусть экономика, гармонія интересовъ останется и будетъ культивируема, какъ необходимое условіе умиротворенія, но—не какъ верховная цѣль, каковою можетъ быть только духовная культура единицъ, составляющихъ общество, будетъ ли то рабочій или предприниматель. Только яснымъ разграниченіемъ этихъ двухъ моментовъ: разумной экономіи, какъ *матеріальной основы* общественной жизни и ея необходимаго условія, и нравственной организаціи общества, *какъ цѣли*,—только этимъ принципіальнымъ разграниченіемъ рѣшеніе трудной соціальной задачи можетъ быть предохранено отъ односторонности...

Итакъ, *для соціальнаго умиротворенія необходимо, чтобы человѣчество, и прежде всего въ лицѣ имущихъ и лучше поставленныхъ матеріально классовъ, ясно сознало свою нравственную обязанность относительно трудящихся и обездоленныхъ.* И, повидимому,—повторяю,—оно уже сознало ее, наконецъ, и день ото дня сознаетъ все яснѣе и яснѣе. Остается лишь желать, чтобы оно не оставалось при однихъ добрыхъ намѣреніяхъ, но дѣятельно стремилось бы къ проведенію ихъ въ жизнь, чтобы оно все рѣшительнѣе и прямѣе шло туда, куда зовутъ его нищета, нужда и горе...

Но, съ другой стороны, совершенно очевидно,

что и трудящіяся массы, въ интересахъ того же соціальнаго умиротворенія, т.-е. прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ, должны итти на встрѣчу этому движенію и не создавать ему, по крайней мѣрѣ, искусственныхъ преградъ.

Мы слышали и непрестанно слышимъ,—изъ устъ Рескина, Карлейля, Фабіанцевъ, представителей „каритативной системы“ и многаго множества другихъ гуманистовъ,—призывы общества къ дѣятельности на пользу трудящихся и обездоленныхъ, во имя высокихъ началъ общечеловѣческой нравственности. Но—audiatur et altera pars!.. *Пусть и трудящимся массамъ столь же ясно и опредѣленно скажутъ, пусть и они сами сознаютъ, что и у нихъ также есть свои нравственныя обязанности и обязательства, при нарушеніи которыхъ,—особенно систематическомъ и убѣжденномъ, возведенномъ въ теорію и принципъ,—никакое „соціальное умиротвореніе“ невозможно и даже отвлеченно немыслимо.*

Вотъ что намъ нужно теперь внимательно разсмотрѣть и обсудить.

Точкой отправленія, въ изслѣдованіи этой стороны вопроса, можетъ послужить для насъ положеніе, которое, надѣюсь, будетъ принято безъ всякихъ ограниченій и всѣми, безъ различія убѣжденій: *не должно быть двухъ этикъ, т.-е. двухъ масштабовъ и оцѣнокъ поведенія, такъ какъ обя-*

зательное для однихъ людей и общественныхъ классовъ. очевидно, должно быть обязательнымъ и для другихъ, ибо мораль лишь до той поры сохраняетъ свою непререкаемую власть надъ сознаніемъ, доколѣ ей усвоется характеръ всеобщности и безусловности.

Но что мы видимъ въ соціалистической этикѣ въ дѣйствительности?

Видимъ нѣчто, прямо противоположное.

Къ сожалѣнію, въ соціалистической этикѣ разбираться очень трудно, потому что она находится въ крайне хаотическомъ состояніи и насквозь эклектична. Только этическія системы крайнихъ соціалистическихъ фракцій,—очень несложныя, впрочемъ,—могутъ быть признаны достаточно опредѣленными, такъ какъ онѣ, какъ уже замѣчено выше, отъ временъ Фурье и Сенъ-Симона остаются въ неизмѣнно-стереотипномъ видѣ. Но этическія размышленія и регламентаціи промежуточныхъ фракцій, по направленію снизу вверхъ, отъ сенъ-симонизма и фурьеризма къ такъ-называемому „духу соціализма“, составляются изъ самыхъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ лоскутовъ: тутъ и „независимая“ мораль, и этика сверхчеловѣка, и боевые лозунги, и даже,—какъ это ни странно,—нѣкоторая доза эстетики, во всякомъ случаѣ нѣкоторые эстетическіе налеты.

Вотъ для примѣра образчикъ этическихъ ни-

саній соціалистовъ—изъ новѣйшей книги Койгена, озаглавленной: „Міровоззрѣніе соціализма“.

„Мораль соціализма“,—читаемъ мы здѣсь,—„должна стремиться къ установленію такихъ заповѣдей, исполненіе которыхъ наиполнѣе воплотило бы въ жизнь принципъ *соціалистическаго культуропорядка* (?). Ясно, что высшая добродѣтель соціализма есть согласованіе всей нравственной дѣятельности съ тѣми основами культуры, безъ которыхъ существованіе и развитіе соціалистической жизни было бы дѣломъ невозможнымъ. „Живи согласно прогрессу культуры“—высшій императивъ; „буди въ себѣ всеобъемлющаго, безпрерывнаго и свободнаго творца“—истинная программа индивидуальной морали. *Долгъ труда*, неприкосновенность его и право на него суть важные моральные выводы изъ высшей добродѣтели соціалистической культуры. Всѣ добродѣтели греческаго міра, какъ храбрость или личный героизмъ, чувство мѣры и чистоты и т. д. заключены въ ней, но она больше ихъ, ибо жизнь въ согласіи съ нею поднимаетъ всѣ формы активности человѣка на новую высоту и создаетъ новый духовный укладъ. Какъ формы индивидуальной активности, такъ и соціально-государственныя проявленія ея должны стремиться къ *имманентной идеѣ культурной дѣйственности* (!!). Идеализмъ дѣйствительности есть настоящее выраженіе осуществленной соціалистиче-

ской морали. Соціализму остается только сказать человѣку: „стремись къ установленію и сохраненію такого порядка вещей, гдѣ жизнь человѣка превратилась въ сплошной *творческій актъ* (!), въ воспроизведеніе и защиту его, гдѣ человѣкъ и человѣческій трудъ не могли бы быть мишенью въ рукахъ какихъ бы то ни было сепаратистскихъ интересовъ, однимъ словомъ, гдѣ бы человѣкъ могъ стать истиннымъ законодателемъ своей, а слѣдовательно и соціальной жизни... Не убивай въ себѣ *желанія быть героемъ* (!), какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни; пусть бьется всегда въ груди твоей *пульсъ культурно-мірового цѣлаго и прогрессивной задачи* (!) исторической эры, въ которой ты живешь“... Вотъ,—заключаетъ Койгенъ,—высшее, что мы можемъ сказать современному человѣку“ *).

Такъ пишетъ авторъ книжки, видимо разсчитанной на широкій кругъ читателей. Однако, если это, дѣйствительно, есть высшее изо всего того, что соціализмъ можетъ сказать, то этого, очевидно, очень немного... Тутъ, правда, достаточно хорошихъ отдѣльныхъ словъ, но мало мыслей и вообще мало ясности. „Прогрессъ“, „культура“, „трудъ“, „творчество“, „героизмъ“: кто изъ моралистовъ не говорилъ и не говоритъ обо всемъ

*) Стр. 108—109.

этомъ?.. Но, что же тутъ специфически-соціалистическаго?.. Да и вообще,—что тутъ собственно?.. Какой принципъ?.. Тутъ есть все и вмѣстѣ нѣтъ ничего. „Слова, слова и слова“, какъ говорилъ Гамлетъ,—притомъ слова, которыя, какъ увидимъ дальше, требуютъ въ устахъ соціалистовъ очень и очень большихъ ограниченій (напр., относительно культуры, героизма и т. д.).

И, однако, такъ именно въ большинствѣ случаевъ пишутъ соціалисты, когда дѣлаютъ экскурсіи въ область этики, въ которой, очевидно, чувствуютъ себя какъ бы не у себя дома...

Да это и понятно. Вѣдь, въ сущности, объ этикѣ соціализма можно говорить развѣ лишь cum grano salis, въ смыслѣ несобственномъ, по перенесенію или по традиціи: у соціалистовъ есть хорошо выработанная *партійная тактика*, но, строго говоря, нѣтъ этики,—въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Однако, хотя объ этикѣ соціализма мы можемъ говорить не въ смыслѣ опредѣленной доктрины, теоріи, а тѣмъ болѣе, конечно, системы, но лишь въ смыслѣ девизовъ и лозунговъ, опредѣляющихъ настроеніе и практическую дѣятельность, тѣмъ не менѣе и по нимъ мы можемъ различить какъ бы *три слоя соціально-этическихъ идей.*

Прежде всего у соціалистовъ, и въ теоріи и на практикѣ, мы находимъ обрывки традиціонной,

общечеловѣческой и даже иногда прямо христіанской морали. Однако, остріе этой морали, то-есть требованіе любви къ ближнимъ, особенно трудящимся и обездоленнымъ, обличеніе эгоизма и корысти, роскоши и духа эксплуатаціи и т. д. они обращаютъ не къ себѣ, но прежде всего именно къ имущимъ классамъ, какъ явно де уклонившимся отъ высокихъ христіанскихъ идеаловъ. И вотъ первая, съ ихъ стороны, неправда: они забываютъ, что нужно мѣрить и для себя тою же мѣрою, какою они мѣряютъ для другихъ... Когда Рэскинъ или Карлейль обличаютъ богатыхъ, *они* знаютъ, что дѣлаютъ, и имѣютъ на это право, потому-что, удерживаясь существенно на общехристіанской почвѣ и отдавъ свои силы служенію бѣдныхъ и обездоленныхъ, они говорятъ, не рискуя услыхать: „врачу, исцѣлися самъ“. Но когда имъ вторятъ доктринеры соціализма, покинувшіе почву христіанской, да и вообще, какъ увидимъ, общеобязательной этики, тогда очень трудно удержаться отъ того, чтобы не сказать вмѣстѣ съ покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ: „соціалистическія декламаціи противъ богатыхъ, внушаемыя низменною завистію, противны до тошноты, а требованія уравненія имуществъ—при этомъ условіи—неосновательны до нелѣпости“ *)... Вообще,

*) *Оправданіе Добра*, по первому изд., стр. 459.

въ отношеніи къ вопросу о богатствѣ и богатыхъ, между соціализмомъ и представителями общечеловѣческой, а тѣмъ болѣе христіанской этики, въ родѣ Рэскина или Карлейля, существуетъ діаметральная противоположность: соціализмъ просто *завидуетъ* богатымъ, а христіанство *жалѣетъ* ихъ, потому что имъ „трудно войти въ царствіе небесное“. Вотъ почему у соціалистическихъ и христіанскихъ обличителей роскоши, какъ говорятъ „то же да не то же“: тѣ же слова, но совсѣмъ иной смыслъ.

Второй идейный слой въ этикѣ соціализма, этика, главнымъ образомъ, его вождей, есть не что иное, какъ одна изъ варіацій ницшеанской сверхчеловѣческой морали, съ сильнымъ налетомъ эпикуреизма.

Въ этомъ моментѣ соціалистическая этика „звучитъ гордо“ и не прочь даже внести поправку въ нравственное ученіе христіанства. „Вы слышали, что сказано: возлюби *ближняго* твоего... А мы говоримъ вамъ: возлюбите и *дальняго*“... Это написалъ, въ качествѣ соціалистическаго моралиста, не кто иной, какъ уже извѣстный намъ Людвигъ Штейнъ, въ своей послѣдней книгѣ *). И это, въ самомъ дѣлѣ, есть лишь дальнѣйшее развитіе того, что имъ было выставлено въ его *Соціальномъ*

*) Ludwig Stein, Der Sinn des Daseins, s. 372.

вопросъ, въ качествѣ верховнаго принципа „правоваго“ соціализма. Вотъ что онъ тамъ, между прочимъ, пишетъ: „Высшій императивъ нашей соціальной этики гласитъ: поступай такъ, чтобы каждымъ изъ твоихъ дѣйствій ты утверждалъ не только свою собственную жизнь, но и жизнь другихъ людей и чтобы въ особенности, ты обезпечивалъ и повышалъ жизнь будущихъ поколѣній“ (стр. 639)... Таково, можно сказать, этическое основоположеніе умѣреннаго соціализма. Формула, какъ видимъ, звучитъ не только „гордо“, но, повидимому, возвышенно и даже примирительно: „*не только, но и*“... Однако, кто же не подпишется подъ этою растяжимою формулою?.. „Утверждай свою собственную жизнь“: это не „очень сурово“ и ригористично! Ну, конечно, и „дальняго“ люби. Что же касается ближнихъ, то,—подразумѣвается,—можешь этимъ и не очень смущаться и, когда нужно, жертвуй ими ради „дальняго“. А чтобы это „этическое“ требованіе было удобнѣе исполнить, отодвинь отъ себя ближняго возможно дальше, проникнувшись „пафосомъ дистанціи“... И мы знаемъ изъ исторіи соціализма, что вожди его очень вѣрны этому „положенію“. Бебель, наприм., котораго недавно Бюловъ столь остроумно назвалъ „самодержавнымъ главою демократической партіи“, весьма помнитъ объ этомъ пафосѣ дистанціи: большую часть года онъ жи-

ветъ, какъ извѣстно, на островѣ Капри, а, когда бываетъ въ Берлинѣ, то принимаетъ членовъ своей партіи не въ своемъ палаццо, а—лишь въ ихъ „штаммъ-локалѣ“, то-есть просто въ „биргалкѣ“, ресторанѣ, гдѣ они завсегдатаи... И Бебель, конечно, не исключеніе... Вотъ къ чему сводится, особенно у вождей соціализма, ихъ пресловутая „любовь къ дальнему!“...

Но высшей степени нелѣпости и вмѣстѣ какой-то чудовищной жестокости эта „любовь къ дальнему“ достигаетъ тогда, когда, во имя ея, т.-е. во имя счастія *отдаленныхъ* поколѣній, приносятся въ жертву близкіе... Эти „дальніе“, эти грядущіе, будущіе граждане вселенной суть, воистину, Молохъ, которому уже принесены и еще будутъ принесены безчисленныя гекатомбы человѣческихъ жертвъ... „Будущія поколѣнія“, поколѣнія людей, долженствующихъ нѣкогда блаженствовать среди „довольства всеобщей сытости“: вотъ *новое божество* соціализма, божество-идолъ, кровожадный и ненасытный, который, однако же, возводится теоретиками соціализма въ непререкаемаго нравственнаго законодателя!.. Эта точка зрѣнія не только глубоко-безнравственна, но и варварски-жестока—до безчеловѣчности. Въ самомъ дѣлѣ, потоки слезъ, крови безчисленныхъ жертвъ этого новаго Молоха,—не говоря уже о трудовомъ потѣ цѣлаго ряда поколѣній,—считают-

Библиотека-ч... им. Я. М. Свердл...

ся „нравстенно-обязательными“ для водворенія на землѣ царства равнаго и—добавлю—изумительно-низменнаго довольства: что можно придумать чудовищнѣе этой, глубоко и насквозь антиморальной, „любви къ дальнему?“...

Наконецъ, третій слой соціалистическо-этическихъ идей или третій моральный кодексъ соціализма, существующій спеціально для пролетарской массы, уже откровенно проникнутъ началами ненависти и вражды. Пролетаріату прямо рекоменлуется быть въ „боевомъ состояніи“, искусственно подогрѣвая въ себѣ, по рецептамъ Маркса, Каутскаго и Менгера, „нравственное возмущеніе“, безъ котораго де невозможенъ подъемъ рабочаго класса на высшія ступени матеріальнаго благополучія. Отсюда постоянная забота соціалистовъ о томъ, чтобы воспитывать въ массахъ, прежде всего, зависть и ненависть къ имущимъ. И это, конечно, съ ихъ точки зрѣнія, опять таки, совершенно послѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, разъ злоба признается главнымъ факторомъ въ борьбѣ обездоленныхъ классовъ „за существованіе“, а затѣмъ и за свои экономическія и политическія права, то остается лишь какъ можно болѣе разжигать въ массахъ это чувство, то есть вообще культивировать этическое зло—зависть, ненависть и вражду,—чтобы изъ зла выросло „соціальное“ добро: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“.

И вожди соціализма удивительно вѣрны себѣ,—даже наиболѣе умѣренные изъ нихъ. Такъ, наприм., знаменитый Зомбартъ, извѣстная книга котораго о соціализмѣ, съ каждымъ новымъ изданіемъ, становится, повидимому, все болѣе и болѣе примирительною,—даже и онъ нашелъ возможнымъ написать вотъ эти, въ высокой степени характерныя для соціалиста, строки: „Быть можетъ, новая нагорная проповѣдь будетъ гласить: блаженны тѣ, которые еще могутъ бороться!“ *).

Съ этой точки зрѣнія, какъ показатель настроенія, въ какомъ воспитываются соціалистическія массы, чрезвычайно интересенъ текстъ соціалистическихъ пѣсенъ. Всѣ онѣ насыщены именно призывомъ къ „боевой готовности“, апеллируютъ къ „полнотѣ страсти“, хотятъ пробудить и воспитать, путемъ желѣзной партійной дисциплины, „волю къ дѣйствію“... И эта готовность, страсть, воля къ дѣйствію проникнуты однимъ и тѣмъ же „паѳосомъ“, то-есть все тѣмъ же чувствомъ ненависти къ имущимъ, жаждою „эмансипаціи“ отъ капиталистовъ и капитала, „фанатическою вѣрою въ грядущее торжество соціализма“...

Въ этомъ смыслѣ для массы составляются и этическіе кодексы. Обычное выраженіе принципа этихъ соціалистическихъ кодексовъ: „твое—мое“...

---

*) Стр. 273, М. 1906 г.

не далеко отъ истины. Соціалисты всѣхъ фракцій и оттѣнковъ, какъ я уже говорилъ, охотно присоединяются своимъ сочувствіемъ къ моралистамъ-обличителямъ, въ духѣ Рэскина или Карлейля, когда эти послѣдніе напоминаютъ *имущимъ* классамъ о забытомъ ими Моисеевомъ десятословіи и особенно о Евангельской заповѣди любви къ ближнему. Но сами для себя имѣютъ кодексъ совершенно иной, усиленно стремясь при этомъ провести его и въ жизнь, сообщить ему практическую силу. И не только иной, но—и прямо противоположный.

Въ самомъ дѣлѣ, вожди соціалистовъ говорятъ какъ бы такъ: „Вы слышали, что было сказано древнимъ: Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ иніи бози (а потому)... не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не желай дома ближняго твоего, ни села его... Мы же говоримъ вамъ, новой расѣ: желай дома ближняго твоего и села его (это твое право!), экспропріируй, то-есть по просту кради, потому-что, если собственность есть кража, то кража кражи есть хорошее дѣло, какъ уничтоженіе зла... При случаѣ не смущайся и устранять съ дороги, то-есть просто убивать, если это понадобится“... И такъ далѣе. Все десятословіе перелагается, такимъ образомъ, съ соціалистической точки зрѣнія, какъ бы въ иной тонъ: отрицательныя заповѣди въ соціалистическомъ

кодексѣ превращаются въ положительныя и потому—по естественной связи—первая заповѣдь также въ отрицательную: желай, потому-что положеніе: „Азъ есмь“... есть лишь печальный предразсудокъ... Это не преувеличеніе: можно было бы каждую строчку этой антитезы процитировать, если бы ее и безъ того не подтверждала достаточно краснорѣчиво окружающая насъ, слишкомъ печальная, дѣйствительность.

Итакъ, въ соціалистической этикѣ ведется, такъ сказать, *тройная бухгалтерія*: въ ней, какъ бы три различныя этики,—сообразно желанію и потребностямъ каждаго.

О, я знаю, что соціалисты, по крайней мѣрѣ, наиболѣе умѣренные и примирительно настроенные изъ нихъ, надъ этими, разъединяющими и атомизирующими, мотивами вражды и ненависти ставятъ положительный идеалъ,—именно традиціонный идеалъ „братства, равенства и свободы“. и говорятъ они объ этомъ положительномъ идеалѣ съ большимъ одушевленіемъ. Такъ, наприм., тотъ же Зомбартъ пишетъ:

„Великіе общечеловѣческіе идеалы, возникшіе въ Индіи, переданные затѣмъ христіанству и нашедшіе свое послѣднее выраженіе въ мыслителяхъ французской революціи и эпохѣ нѣмецкаго просвѣщенія, воодушевляютъ также и лучшихъ людей, указывающихъ соціалистическому движенію

его цѣли. Идеалы эти: свобода, равенство, братство; то-есть возможность свободнаго развитія для всякаго, уваженіе къ личности, дѣятельная любовь къ человѣчеству. Это—старые идеалы гуманизма. Это руководящій принципъ Кантовской этики: ни одинъ человѣкъ не долженъ быть средствомъ, а каждый долженъ быть цѣлью, цѣнной самой по себѣ. *Все это, пожалуй, окрашено сильнымъ сенсуализмомъ, котораго не было у прежнихъ идеалистовъ* (!). Но, въ концѣ концовъ, соціалистическіе идеалы все-таки только продолжаютъ прясть дальше нити, начатыя великими людьми прошлыхъ вѣковъ" (стр. 261).

Характерная страница!

Тутъ со всею очевидностію сказался радикальный эклектизмъ соціалистическаго мышленія, насквозь проникнутаго стремленіемъ къ *ложному единству*, старающагося все затушевать подъ одинъ цвѣтъ—до неразличимости. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, и Индія, и христіанство, и французская революція, и Кантъ... Все, что угодно! И тѣмъ не менѣе, даже и такой терпимый мыслитель-эклектикъ нашелъ необходимымъ добавить и подчеркнуть, что традиціонная формула: „свобода, равенство, братство" окрашена въ соціализмѣ „сильнымъ сенсуализмомъ, котораго не было у прежнихъ идеалистовъ"... Краснорѣчивая прибавка!

Но не будемъ останавливаться на деталяхъ и

обратимся къ разбору этого принципа по существу.

Давно замѣчено и указано, что знаменитая республиканская формула, начертанная на всѣхъ порталахъ Франціи, не имѣетъ не только этическаго, но даже и просто логическаго смысла.

Въ устахъ же соціалистовъ она вдвойнѣ безсмысленна.

Начнемъ съ того, что понятія или, если угодно, принципы: „свобода“ и „равенство“, взятые,—какъ они обыкновенно и берутся,—въ смыслѣ *безусловномъ*, находятся въ кричащемъ противорѣчіи одно съ другимъ.

Безусловная свобода въ организованномъ союзѣ-обществѣ *совсѣмъ немыслима*. Современный культурный человѣкъ прямо-таки скованъ, точно цѣпями, императивами всякаго рода: законами, традиціями, требованіями приличія, такта, общественнымъ мнѣніемъ, партійной программой и т. д. и т. д. Тысячелѣтнее воспитаніе человѣчества наложило на него цѣлую сѣть ограниченій. И справедливо,—потому что безъ этихъ ограниченій, то-есть при *безусловной* свободѣ каждаго, всѣ страдали бы отъ взаимныхъ вторженій въ сферу личныхъ интересовъ другъ друга. Безусловная свобода, если гдѣ и имѣла мѣсто, то развѣ лишь въ первобытныхъ, внѣкультурныхъ обществахъ. Но тамъ абсолютная свобода однихъ окупалась цѣною

рабства другихъ, многихъ, большинства.,. Этой-ли свободы, этого ли возврата къ первобытнымъ условіямъ жизни, съ произволомъ и рабствомъ, хотятъ соціалисты?.. Съ другой стороны, еще менѣе можно говорить о всеобщемъ равенствѣ, если мы не обставимъ и этотъ принципъ соотвѣтственными ограниченіями. Быть абсолютно и во всѣхъ смыслахъ равными люди никогда не могутъ, такъ какъ природа налагаетъ на человѣка, въ этомъ отношеніи свое veto еще въ то время, когда онъ находится въ утробѣ матери: мы рождаемся съ неравными свойствами—физическими, умственными и т. д. Желать, при такихъ природныхъ условіяхъ, быть все же равными и требовать равенства есть чистое безуміе, достойное развѣ лишь сумасшедшихъ фанатиковъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ я и сказалъ уже, что свобода и равенство, взятыя въ абсолютѣ, суть противорѣчивыя, взаимоисключающія понятія; безусловная свобода одной личности не можетъ терпѣть рядомъ съ собою такой же свободы другой личности. Это очевидно. Поэтому свобода и равенство не суть законы и никогда не будутъ фактами, но суть лишь *постулаты:* къ этому нужно стремиться и—только! Но при этомъ стремленіи необходимо точно опредѣлить, въ чемъ именно каждому человѣку должно быть предоставлено право на свободу и равенство и въ какихъ предѣлахъ. „Для

равныхъ равенство, для неравныхъ неравенство“: вотъ принципъ справедливости! Это хорошо сказалъ Ницше и въ этомъ онъ неопровержимъ. Точно также и свобода: кому, отъ чего и во имя чего свобода?.. Не можетъ быть и тутъ никакихъ безусловныхъ требованій. Свобода людямъ, проникнутымъ вредными, анти-общественными, преступными стремленіями никогда и ни при какомъ строѣ не можетъ быть предоставлена. Немыслима, наприм., никогда и ни при какомъ строѣ, свобода преступниковъ, субъектовъ съ патологической организаціей или наклонностями и т. д.

Еще менѣе способенъ выдержать логическую критику, при послѣдовательномъ анализѣ, принципъ братства,—именно въ соціалистической версіи, когда „братъ“ превращенъ въ „товарища“. По-видимому, именно въ этомъ принципѣ торжествуетъ начало столь прославляемаго, со времени Конта, „альтруизма“. Но понятіе альтруизма есть не что иное, какъ этическая фикція. Альтруизмъ, при позитивно-утилитарномъ толкованіи этого понятія, есть просто удвоенный эгоизмъ; „буду о тебѣ заботиться, потому что иначе ты не будешь о мнѣ заботиться и потому что вообще намъ обоимъ это будетъ полезнѣе“,—вотъ, въ сущности, и вся этика альтруизма! Различіе между эгоизмомъ и альтруизмомъ лишь численное, статистическое. Далѣе, въ альтруизмѣ, какъ это превосходно выяснилъ

тотъ же Ницше, дано начало обезличивающее и даже опошляющее мысль и дѣятельность. Центръ тяжести здѣсь кладется въ другомъ, независимо отъ этической и умственной высоты этого другого или, точнѣе, другихъ. А такъ какъ духовный уровень большинства лежитъ всегда ниже средняго уровня, то воля товарищества почти всегда является для каждаго отдѣльнаго товарища именно диктатурой, обезличивающей и принижающей. И всѣ мы хорошо знаемъ этотъ „товарищескій“ терроръ,—не только въ рабочей, но и въ интеллигентной средѣ. Наконецъ, допустимъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ принципъ товарищества или, если угодно, братства есть принципъ благодѣтельный,—допустимъ это, ибо во всякомъ случаѣ, товарищъ о товарищѣ, въ случаѣ солидарности каждаго со всѣми, будетъ заботиться. Но—вѣдь только товарищъ о товарищѣ! Это—узкая классовая этика, не переступающая за предѣлы кружка, партіи и т. д. Это возстановленіе ветхаго закона: „вы слышали, что сказано древнимъ: возлюби ближняго твоего и возненавидь врага твоего“... Вотъ именно! Такъ и соціализмъ говоритъ. Буквально такъ. „Надъ конгрессами и съѣздами соціалистовъ,—пишетъ Зомбартъ (стр. 172),—витаетъ духъ великаго паѳоса: обнимите другъ друга, *милліоны*“!.. Какая характерная фраза! „Милліоны“, но не всѣ! И напрасно, поэтому, соціалисты такъ торопятся ста-

новиться подъ знамя „идеи всеобщаго братства человѣчества“,—какъ тутъ же, въ противорѣчіе съ самимъ собою, пишетъ Зомбартъ. Ибо какое ужъ тутъ „всеобщее братство“, когда „боевая этика“ соціализма пламенѣетъ завистью и ненавистью къ имущимъ классамъ и хотѣла бы на весь пролетаріатъ перевести огонь этой ненависти, чтобы подготовить всемірный соціалистическій пожаръ!.. Это, повторяю, не этика всеобщаго братства, и всего меньше христіанская этика, но—возстановленіе варварской, отжившей морали, строго отмежевывавшей, и въ теоріи и въ практическихъ отношеніяхъ, „своихъ“ отъ „варваровъ и скиѳовъ“.

Формула республиканскихъ порталовъ и соціалистическихъ кодексовъ имѣла бы свой разумный смыслъ и нравственное оправданіе единственно лишь въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ входящихъ въ нее терминовъ мы обставили соотвѣтствующими ограниченіями.

И прежде всего, свобода должна быть предоставлена каждому человѣку, потому что каждый, дѣйствительно, имѣетъ на нее неотъемлемое право, но—лишь при томъ условіи, если онъ самъ же свободно связываетъ себя дисциплиною, общественною, гражданскою и, прежде всего, внутреннею: этическою, идейною и т. д., то-есть *свобода дисциплинированная*.

Точно такъ же и равенство должно быть пре-

доставлено каждому, потому что каждый имѣетъ и на него право, но—лишь равенство предъ закономъ, совѣстью, Богомъ. По природнымъ же дарамъ, по степени таланта, трудолюбія, работы надъ собою между людьми всегда будетъ, неустранимая никакими искусственными мѣрами, глубокая разница, градація, *іерархія*, какъ существуетъ она и въ мірѣ выше и ниже человѣка стоящихъ существъ.

Наконецъ, и братство также есть одинъ изъ элементовъ общечеловѣческаго общественнаго идеала. Но—*братство въ любви*, братство существъ, созданныхъ по образу Божію, братство во Христѣ, а не братство узкой, партійной, „товарищеской“ нивеллировки, насильничества и тиранніи, нетерпимости въ отношеніи къ инакомыслящимъ, ведущей къ бойкотамъ, палочной расправѣ и т. д. и т. д., чему мы теперь, въ окружающей насъ жизни, видимъ такъ много примѣровъ.

Извѣстный французскій психологъ-романистъ, Поль Бурже, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ,—къ сожалѣнію, не переведенныхъ по-русски,—„L'etape“, посвященномъ разработкѣ именно обсуждаемой нами теперь темы, даетъ рядъ яркихъ иллюстрацій того, какъ въ практической жизни крикливый девизъ республиканскихъ порталовъ: „братство, равенство и свобода“ приводитъ, вопреки своему широковѣщательному смыслу, къ стѣсне-

нію до тиранніи, къ различіямъ до непримиримыхъ контрастовъ, къ братоубійственной ненависти, вмѣсто пресловутаго „братства“.., Подводя итоги своему художественному анализу соотвѣтствующихъ явленій жизни, онъ противопоставляетъ велерѣчивой республиканско-соціалистической формулѣ другую, несравненно болѣе скромную, но вмѣстѣ и несравненно болѣе плодотворную:

Вотъ это замѣчательное и достойное всякаго вниманія мѣсто изъ романа:

„— Духъ Евангелій“,—говоритъ въ романѣ зараженный соціализмомъ *аббатъ*,—„совпадаетъ съ тремя знаменательными терминами, изъ которыхъ Республика сдѣлала своей девизъ: Свобода, Равенство, Братство“.

„— Я не великій теологъ“,—возражаетъ аббату одинъ изъ героевъ романа, наиболѣе пострадавшій отъ исповѣдниковъ этого пресловутаго девиза,— „но много читалъ Евангеліе и, если бы позволилъ себѣ свести евангельское ученіе къ одной краткой формулѣ, то выразилъ бы его въ трехъ другихъ словахъ, составляющихъ прямую противоположность приведенному вами девизу, который вы, аббатъ, находите замѣчательнымъ, но который мнѣ представляется просто лишеннымъ смысла. Эти три слова суть: *Дисциплина*, *Іерархія*, *Любовь*.

Вотъ, на мой взглядъ, ясное разграниченіе двухъ, принципіально различныхъ, этическихъ на-

чалъ, изъ коихъ одно положено въ основу несправедливо-уравнительной („эгалитарной“) этики соціализма, а другое—въ основу единственно-справедливой и въ то же время единственно-человѣчной, *всечеловѣческой*, истинно универсально-братской нравственности, она же и нравственность христіанская.

Если же соціализмъ и его адепты, тѣмъ не менѣе, будутъ настаивать на своей формулѣ, то для нихъ, при сильномъ наклонѣ той покатости, на которой они столь тщетно думаютъ удержаться, открываются лишь три возможности: 1) или взять принципъ *свободы* и, абсолютировавъ его, перейти къ откровенному *анархизму;* 2) или взять принципъ *равенства* и, абсолютировавъ его, перейти къ *коммунизму;* 3) или, наконецъ, взявъ принципъ *братства-товарищества*, откровенно перейти въ станъ *соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ*, съ ихъ жестокою, циничною, оскорбляющею всѣ начала нравственности и даже простой гуманности, братоубійственною вакханаліею, со всѣмъ ихъ іезуитизмомъ, съ ихъ „краснымъ смѣхомъ“, плохо прикрытымъ флеромъ надежды на грядущее благополучіе „равенства всеобщей сытости“...

А теперь подведу итогъ своему изслѣдованію принциповъ соціалистической этики:

Онъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Соціалистическая этика лишена характера всеобщности и обязательности, такъ какъ не только не освящена никакимъ высшимъ (религіознымъ) авторитетомъ и не проникнута никакимъ единымъ идейно-философскимъ началомъ, но очевидно и существенно *многопринципна*.

2. Соціалистическая этика *насквозь утилитарна*, такъ какъ, исходя изъ началъ позитивно-матеріалистическаго міросозерцанія и, въ лицѣ своихъ истолкователей, неизмѣнно къ нему тяготѣя, разсматриваетъ человѣка и его дѣятельность, лишь какъ средство для подготовленія,—сомнительнаго со стороны своей осуществимости и низменнаго по своему грубо-матеріальному характеру,—довольства грядущихъ поколѣній.

3. Въ практическомъ примѣненіи соціалистическая этика *полна компромиссовъ, казуистики и даже іезуитизма*, съ его классическимъ стремленіемъ оправдывать дурныя средства мнимо-хорошими цѣлями, и, что бы ни говорили панегиристы соціализма, онъ не можетъ отрицать своего кровнаго родства со всѣми тѣми печальными явленіями (экспропріаціи, бомбизмъ и проч.), отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ, въ частности, и наша современная жизнь.

4. Какъ проповѣдь не объединенія, но вражды и розни, классовой ненависти и борьбы, какъ мораль „варвара и скиѳа“, соціалистическая этика,

очевидно, не можетъ содѣйствовать „соціальному умиротворенію“ человѣчества и должна быть рѣшительно осуждена и отвергнута,—и не только въ своемъ практическомъ примѣненіи, но и по существу, въ принципѣ и исходныхъ точкахъ.

IV.

Юридическая точка зрѣнія: право личной собственности и право наслѣдованія.

Мы познакомились съ принципомъ или, точнѣе сказать, принципами соціалистической этики. Говорю: „съ принципами“, потому что этика соціализма, какъ мы теперь знаемъ, въ высокой степени эклектична и многопринципна, а точнѣе сказать—безпринципна. У нея нѣтъ никакой безусловной точки утвержденія и, потому, она осуждена, своею внутреннею логикой, скользить по наклонной плоскости въ направленіи къ аномизму или имморализму, то-есть къ отрицанію нравственности, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ, связанныхъ съ этическими основами, нравственно-правовыхъ нормъ.

Всего яснѣе это проявляется въ отношеніи соціалистовъ,—опять-таки всѣхъ оттѣнковъ и фракцій, между которыми различіе, и въ данномъ отношеніи, лишь въ степени, а не въ существѣ,—

къ тѣмъ основнымъ началамъ, на которыхъ держится нравственно-правовая жизнь человѣчества и, прежде всего, къ вопросамъ о личной собственности и правѣ наслѣдованія.

Въ сущности, основная тенденція соціализма въ отношеніи къ этимъ нормамъ и устоямъ жизни чисто отрицательная. Но только, тогда какъ радикальные соціалисты, наприм., представители марксистскаго толка, соціалъ-демократы и коммунисты, не говоря уже объ анархистахъ, совсѣмъ не думаютъ и скрывать свое радикально-отрицательное отношеніе къ нимъ,—соціалисты половинчатые, представители, такъ-называемаго, „правоваго соціализма“ или соціализма академическаго („катедеръ-соціалисты“) маскируютъ свое подлинное, также чисто-отрицательное, отношеніе къ вопросу и, хотя желали бы за что-нибудь удержаться, но скользятъ по наклонной плоскости и не могутъ на чемъ-либо на этой покатости остановиться.

Это обстоятельство намъ нужно теперь по достоинству оцѣнить и взвѣсить.

Когда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Германіи впервые стали оформляться опыты этихъ нравственно-правовыхъ компромиссовъ со стороны „катедеръ-соціалистовъ“, знаменитый историкъ и государственникъ Трейчке, выступившій противъ нихъ съ горячимъ протестомъ, во всеоружіи своихъ обширныхъ знаній, выставилъ, какъ точ-

ку отправленія и девизъ для себя, такое положеніе:

„Мы можемъ отнестись справедливо къ основательнымъ требованіямъ соціалистически-настроенныхъ массъ,—а этихъ требованій очень много,—лишь въ томъ случаѣ, если точно будемъ знать и рѣшимся бесстрашно высказать, въ чемъ мы не можемъ имъ уступить".

Вотъ ясная постановка дѣла!

Не при помощи компромиссовъ, но чрезъ объективно-научное выясненіе и ограниченіе того, въ чемъ допустимы уступки соціалистамъ и въ чемъ онѣ рѣшительно непозволительны безъ нарушенія элементарныхъ требованій правды и истины: только при этомъ условіи можно, такъ сказать, полюбовно размежеваться съ соціализмомъ.

Попытаемся и мы пройти этимъ же путемъ и, съ этою цѣлію, хотя бы лишь въ бѣгломъ обозрѣніи, противопоставимъ компромиссамъ такъ-называемыхъ академическихъ соціалистовъ общечеловѣческія нравственно-правовыя нормы.

Для того, чтобы намъ сразу же занять, въ отношеніи къ труднымъ вопросамъ, подлежащимъ теперь нашему обсужденію, опредѣленную позицію, намѣтимъ теперь же двѣ противоположныхъ точки зрѣнія, изъ которыхъ на одной стоятъ соціалисты, а на другой та часть человѣчества, которая хочетъ жить своими традиціонными началами, эти-

ческими и правовыми, такъ какъ увѣрена, что истина съ ними.

Лассаль, въ свое время, выставилъ положеніе, сохраняющее въ лагерѣ соціалистовъ силу и до настоящаго времени: „великія общественныя и нравственно-правовыя институціи, нормирующія отношенія имущественныя, семейныя, классовыя, суть категеріи *историческія* (т.-е. подлежащія измѣненію въ историческомъ процессѣ), а не логическія".

Трейчке, съ своей стороны, призналъ въ такой постановкѣ дѣла чисто „школьническое недомысліе", такъ какъ,—возражалъ онъ,—всякій, кто признаетъ права разума и нравственности, равно какъ и утверждающихся на нихъ правовыхъ нормъ, eo ipso тѣмъ самымъ, признаетъ и ихъ абсолютность, ибо измѣняющаяся истина и переходящая въ свою противоположность нравственность, очевидно, не суть истина и нравственность. Отсюда слѣдуетъ, что нравственно-правовыя нормы суть категоріи *не* историческія, какъ утверждалъ Лассаль, то-есть не подвижныя и измѣнчивыя, но *логическія*.

Намъ нужно отчетливо усвоить эту противоположность, потому-что въ ней все дѣло.

Тамъ, у Лассаля и послѣдовательныхъ соціалистовъ, все въ жизни, какъ и въ области мысли, подвижно и условно: сегодня такъ, завтра иначе.

Здѣсь, у Трейчке и въ общечеловѣческомъ сознаніи, основное, нормирующее жизнь, категорично и безусловно, а потому общеобязательно и обладаетъ характеромъ законодательнымъ,—неизмѣнно, въ своемъ существѣ, и непреложно.

А теперь, сдѣлавъ это необходимое принципіальное разграниченіе двухъ точекъ зрѣнія, перейдемъ къ ихъ сравнительной оцѣнкѣ, примѣнительно къ частнымъ вопросамъ, поставленнымъ выше, то-есть къ вопросамъ о личной собственности и правѣ наслѣдованія.

Сначала о правѣ личной собственности.

Если мы обратимся, прежде всего, къ представителямъ нейтральнаго или умѣреннаго (академическаго) соціализма, то найдемъ, что, хотя они, исходя изъ правильной точки зрѣнія на государство, какъ синтезъ индивидуализма и коллективизма, относятся съ достаточною осторожностью къ теоріи „обобществленія“, „коллективированія“, „націонализаціи“, „огосударствленія“ и т. д. частной собственности, матеріальной и духовной (открытія и изобрѣтенія), тѣмъ не менѣе и они, повинуясь общей тенденціи соціализма, дѣлаютъ слишкомъ много уступокъ, такъ что и подъ ихъ ногами уже ясно чувствуется какъ бы оползаніе материковаго грунта общечеловѣческихъ нормъ. Такъ, извѣстный уже намъ Людвигъ Штейнъ,—соціологъ-философъ, посвятившій въ своей книгѣ

Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія вопросу о собственности три обширныхъ главы, въ которыхъ рѣшительно высказывается за ограниченіе правъ накопленія капитала, правъ наслѣдованія и проч.,—пишетъ *), между прочимъ, по занимающему насъ вопросу, такъ:

„Спастись отъ рокового перехода отъ эволюціи къ революціи (самъ Штейнъ, какъ всѣ умѣренные соціалисты, за эволюцію) всего вѣрнѣе можно только тѣмъ, чтобы съ инстинктивнымъ пониманіемъ и съ соціологическимъ тактомъ, сознательно и ловко (!), подготовить постепенный переходъ къ цѣлямъ, ставимымъ революціонерами *(значитъ, Штейнъ рекомендуетъ рядъ уступокъ соціалистамъ-революціонерамъ)*... Всѣ мыслящіе люди признаютъ теперь регуляторомъ общественнаго механизма общественную потребность и вытекающую изъ нея общественную нравственность *(итакъ, нравственность нормируется потребностью или, какъ въ другихъ мѣстахъ книги, общественнымъ интересомъ)*. Если одна изъ общественныхъ функцій противорѣчитъ общественной нравственности,—что несомнѣнно, наприм., относительно тенденціи частной собственности къ безпредѣльному накопленію,—то вопросъ будетъ только о времени, когда этотъ гнилой членъ долженъ быть устра-

*) Op. cit., страницы 538—9, 523—5, 545.

нешъ, вырѣзанъ (!) изъ соціальнаго тѣла... Уже настало время, въ интересахъ самого паціента (капиталиста) и еще болѣе въ интересахъ общества, *приступить къ интенсивному кровопусканію (!)* раньше, чѣмъ милліардеры погибнутъ отъ экономическаго ожирѣнія сердца... Коллективная собственность (*тезисъ*) и частная собственность (*антитезисъ*) празднуютъ теперь свое экономическое торжество братства въ синтезъ акціонерныхъ обществъ... Но глубоко печально то, что потныя руки рабочихъ, подготовившихъ этотъ праздникъ и сдѣлавшихъ его возможнымъ своимъ коллективнымъ сотрудничествомъ, тщетно требуя доступа, стучатъ въ ворота палаццо, гдѣ происходитъ праздникъ, и тщетно до крови разбиваются о желѣзныя рѣшетки, а разряженные бездѣльники, съ гордо поднятыми головами, показываютъ свои входные билеты (акціи) и безпрепятственно проходятъ въ роковыя ворота, чтобы пользоваться продуктами труда, въ которомъ лично они не принимали никакого участія, кромѣ развѣ того, что потрудились родиться“...

Такъ пишетъ *умѣренный* соціологъ, возмущенный,—и кто рѣшится утверждать, что его возмущеніе совсѣмъ несправедливо?—прежде всего, аномаліями существующаго экономическаго строя, вродѣ тѣхъ капиталистическихъ вакханалій или дивидентовъ, которые, по его выраженію, „оскор-

бляютъ „общественную стыдливость“. Но что же, послѣ этого, сказать про *крайнихъ* соціалистовъ?.. Тамъ уже не только ограниченіе, чрезъ обобществленіе, правъ собственности и, особенно, правъ наслѣдованія, но прямой призывъ къ отмѣнѣ правъ собственности, какъ „кражи“, и къ столь моднымъ теперь и— добавлю—столь, повидимому, убѣжденнымъ въ своей мнимой законности, экспропріаціямъ всякаго рода и всякой формы... Мы видимъ, такимъ образомъ, что соціалистическія ученія о собственности, начиная съ умѣренныхъ и кончая крайними, представляютъ не что иное, какъ лишь различное по формѣ выраженіе одинаково-отрицательнаго, въ сущности, отношенія къ этому общественно-государственному установленію, одному изъ самыхъ основныхъ.

Переходя къ оцѣнкѣ такого отношенія, со стороны соціалистовъ, къ вопросу о собственности, мы должны, прежде всего, замѣтить, что оно,— какъ и все вообще соціалистическое міросозерцаніе, какъ, въ частности, и этика соціализма,—страдаетъ однимъ, весьма замѣтнымъ и повсюду дающимъ себя знать, недостаткомъ, на который мы уже указывали: смѣшеніемъ, совершенно некритическимъ и даже прямо-таки неразборчивымъ, истины и лжи, правды и неправды, или такъ называемымъ у философовъ *ложнымъ единствомъ*.

Когда соціалисты умѣренныхъ фракцій тре-

буютъ, чтобы государство, опираясь на мнѣніе общества, *ограничивало* права собственниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ у милліардеровъ, стремленіе къ обогащенію уже, дѣйствительно, переступаетъ всякіе предѣлы, или даже и въ случаяхъ приближающихся къ этимъ,—то кто станетъ оспаривать справедливость, нравственную правду этихъ требованій?.. Если бы даже,—что весьма невѣроятно,—и нашлись недовольные этимъ ограниченіемъ, которые стали бы жаловаться, что, вмѣсто, положимъ, милліона они получатъ, вслѣдствіе проектируемыхъ ограниченій, лишь полмилліона годового дохода или, вмѣсто ста тысячъ, только пятьдесятъ тысячъ, то они, безъ сомнѣнія, оказались бы въ меньшинствѣ. Ибо, ужели же, въ самомъ дѣлѣ,—спросимъ вмѣстѣ съ покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ,—ужели мы можемъ позволить себѣ думать, что ряды капиталистовъ, предпринимателей, тузовъ промышленности и торговли, состоятъ исключительно изъ людей жадныхъ, скупыхъ, своекорыстныхъ? Тѣ же,—повторяю, во всякомъ случаѣ, меньшинство,—которые оказались бы, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, несвободными отъ скупости и своекорыстія, по мѣткому и остроумному замѣчанію того же Соловьева, безъ сомнѣнія, имѣли бы также *свое* право—именно право на то, чтобы общество ихъ „*по-*

жалѣло и не потворствовало такому, явно ненормальному и опасному, состоянію ихъ душъ"...

Но если, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—какъ того и требуютъ умѣренные соціалисты и что, добавлю, фактически уже повсюду осуществляется,—если необходимы нѣкоторыя ограниченія правъ собственности, то слѣдуетъ ли, все-таки, отсюда, что самыя эти права, въ своей основѣ и существѣ, какъ утверждаютъ радикальные соціалисты, коммунисты и анархисты, мнимы и что собственность, будто бы, по извѣстному выраженію Прудона, есть не болѣе, какъ кража?

Отнюдь нѣтъ, конечно, и все это разсужденіе, въ сущности, есть крайне дѣтское разсужденіе.

Сдѣлать такой выводъ это все равно, что сказать, наприм., такъ: пища и питье, огонь и ножикъ, не имѣютъ правъ на существованіе или, по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ права на обладаніе и пользованіе ими, такъ какъ, вѣдь, несомнѣнно, что многіе ими злоупотребляютъ... О, да,—конечно, злоупотребляютъ! Но устраните или пресѣките возможность злоупотребленій и предоставьте пользоваться ими тѣмъ, кто не злоупотребляетъ. Такъ и въ вопросѣ о собственности. Зло именно въ плутократіи, въ злоупотребленіи собственностію, въ хищной эксплуатаціи одними другихъ, въ ростовщичествѣ, въ его простыхъ и болѣе слож-

ныхъ формахъ, въ мамонизмѣ, а не въ самой собственности и, тѣмъ менѣе, въ принципѣ собственности. Но даже и мамона, какъ превосходно сказалъ однажды Карлейль, подобно огню, хотя и есть для неразумныхъ самый ужасный изъ господъ-тирановъ, однако, при умѣломъ пользованіи, можетъ быть самымъ полезнымъ изъ слугъ. Есть души, для которыхъ „кумиръ вселенной“ или, какъ говорятъ англичане, „всемогущая гинея“ есть, въ сущности, безсильная гинея: до того эти души ею связаны и ей порабощены! Но еще разъ,—развѣ же изъ всѣхъ этихъ аномалій слѣдуетъ, что виноватъ принципъ, въ его правильномъ и нормальномъ проявленіи?.. Возставайте противъ злоупотребленій и вы найдете многихъ союзниковъ, даже и среди самихъ капиталистовъ: но сохраните въ неприкосновенности и полной реальной силѣ *принципъ*,—иначе вы встрѣтите непримиримыхъ враговъ во всѣхъ тѣхъ, кто, удерживаясь на материковой почвѣ общечеловѣческихъ нравственно-правовыхъ нормъ, стоитъ за сохраненіе этихъ зиждущихъ силъ человѣческой культуры.

Не могу входить въ изслѣдованіе сложнаго вопроса о томъ, на чемъ основывается право личной собственности: 1) на волевомъ ли актѣ первоначальнаго владѣльца, какъ училъ Гуго Гроцкій и вся вообще школа представителей „теоріи за-

хвата"; или 2) на вложенномъ въ собственность трудѣ, какъ учили Локкъ и Адамъ Смитъ; или 3) на личности человѣка, кладущей на собственность какъ бы свою печать, какъ учили Фихте и Блюнчли; или, наконецъ, 4) на общественномъ значеніи и пользѣ собственности, какъ учили Гобсъ, Монтескье и всѣ утилитаристы. Не буду вдаваться въ эту, спеціально юридическую, область. Но философы-моралисты, не отрицая ни одного изъ этихъ мотивовъ, основаній или источниковъ права личной собственности, *въ своихъ предѣлахъ и на своемъ мѣстѣ*, ни одному изъ нихъ не придаютъ, однако же, исключительнаго значенія, но ставятъ вопросъ радикальнѣе и глубже, связывая это право съ двумя основными общечеловѣческими инстинктами или, если угодно, двумя „естественными" правами: 1) правомъ человѣка, какъ безусловной личности, на жизнь, коренящимся въ инстинктѣ самосохраненія, и 2) правомъ на то, чтобы жить достойно, какъ свойственно человѣку.

Человѣкъ, вѣдь, не только живетъ, какъ живетъ и всякое другое, ниже его стоящее, существо,—живетъ не какъ животное или растеніе жизнью чисто растительною и притомъ только какъ экземпляръ своего рода, одинъ изъ многихъ, но имѣетъ еще и *нравственный долгъ* жить, какъ живой и необходимый членъ нравственнаго міро-

порядка, какъ членъ всечеловѣческаго общенія: онъ долженъ стоять на томъ посту, на какомъ поставленъ, пока его не сниметъ новая, не имъ вытребованная, постовая смѣна. Но, чтобы жить, чтобы выполнять этотъ долгъ, онъ долженъ имѣть, такъ сказать, нѣкоторое матеріальное окруженіе, основу, орудіе своей дѣятельности, а для этого долженъ, прежде всего, отмежевать „свое“ отъ „чужого“: *моя* мысль, *мое* убѣжденіе, *моя* воля, *мое* усиліе, *моя* рука, нога или согнутая подъ тяжестью спина, *мой* трудъ, *мой* добровольный отказъ, чтобы сберечь что-нибудь изъ пріобрѣтеннаго, *мое* орудіе (молотъ есть какъ бы окаменѣвшій кулакъ, ложка или чашка есть какъ бы усовершенствованная пригоршня и т. д.). Такимъ образомъ, лишь чрезъ отдѣленіе „своего“, мнѣ принадлежащаго, отъ „чужого“, принадлежащаго другому, то есть въ собственности, человѣкъ есть то, что онъ есть. Онъ можетъ осуществить право на жизнь не иначе, какъ въ собственности, и въ этомъ именно коренится глубочайшій источникъ и оправданіе права собственности, не исключающее, впрочемъ, возможности и иного, такъ сказать, дополнительнаго его обоснованія—болѣе реальными мотивами, наприм., пониманіемъ собственности, какъ продукта труда или его эквивалента и проч.

На высшихъ ступеняхъ культуры смѣняются

и разнообразятся лишь вещи, поступающія въ собственность Но самое право, въ его источникѣ и основѣ, остается тѣмъ же. И чѣмъ интенсивнѣе въ томъ или другомъ человѣкѣ его чувство личности, чѣмъ сложнѣе, богаче творческими силами та или иная личность, тѣмъ выше, чище и безспорнѣе, по общечеловѣческому взгляду, и ея право на собственность. Вотъ почему въ эпохи культурнаго расцвѣта,—когда личность, во всѣхъ ея своеобразныхъ творческихъ потенціяхъ, понимается и цѣнится особенно высоко, вслѣдствіе повышеннаго чувства къ цѣнности создаваемаго геніально-личнымъ творчествомъ, — обладаніе собственностью проявляется такъ полно, во всей своей, ничѣмъ не смущающейся, невинности, что никому и въ голову не приходитъ оспаривать „правъ“ этого обладанія. Вотъ почему, наприм., въ эпоху Рафаэля и Леонардо да-Винчи, по характерному выраженію Трейчке, всѣ были проникнуты такою глубокою вѣрою въ то, что царственный человѣкъ, человѣкъ-геній и творецъ, и въ мірѣ жить долженъ царственно, что его великая творческая мощь должна находить и соотвѣтствующія своей внутренней цѣнности внѣшнія условія осуществленія. Напротивъ, въ эпохи господства эгалитарныхъ (уравнительныхъ), нивеллирующихъ и обезличивающихъ, общественныхъ тенденцій,—а торжество соціализма именно и было бы такою ни-

веллировкою,—сознаніе права собственности теряетъ и по связи настроеній, по внутренней логикѣ идей, неизбѣжно должно терять, въ своей энергіи: „пусть каждый, и во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ какъ всѣ“,—таковъ, въ эти эпохи, девизъ и господствующій тонъ общественныхъ настроеній! Связь здѣсь самая прямая и очевидная. Вѣдь собственность потому и есть собственность, что она носитъ на себѣ печать своего обладателя. какъ создавшаго ее,—трудомъ ли своихъ рукъ, или своей головы, или усиліями своей воли, активными или пассивными (бережливость) и т. д. Печать своеобразія и личной творческой оригинальности или, по крайней мѣрѣ, *своего* труда,—причемъ должно приниматься во вниманіе не одно количество труда, но и его качество, и оно преимущественно,—какъ подпись или автографъ на вещи владѣльца: вотъ, такимъ образомъ, глубочайшій источникъ нравственнаго права собственности.

Покойный Вл. С. Соловьевъ заходилъ, быть можетъ, нѣсколько далеко, когда, во имя безусловнаго значенія личности, „имѣющей права на средства для достойнаго существованія“, утверждалъ, что „капиталъ, какъ такой“, то-есть, какъ „чистое произведеніе человѣческой воли“ (ибо, вѣдь, „только отъ нея зависѣло отложить часть заработка или же употребить и эту долю на те-

кущія потребности"), „долженъ быть признанъ собственностію по преимуществу" *). Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что наприм., мною воздѣланная нива,—особенно не только мною, но и трудами моихъ предковъ,—написанная мною книга или даже только испещренная моими замѣчаніями, (конечно, при условіи предварительнаго законнаго ея пріобрѣтенія), вообще все, во что вложенъ мой трудъ, на чемъ лежитъ печать моей индивидуальности, какъ оттискъ моего духовнаго образа и характера, что носитъ мое духовное, пусть и микроскопически-частичное, подобіе,—ужели это, пока я добровольно не уступлю всего этого другому, не можетъ быть моею собственностію?.. Отрицать мое право на эти и подобныя вещи,—а, вѣдь, капиталъ есть только удобный эквивалентъ вещей,—пусть и съ цѣлымъ рядомъ общественно-государственныхъ нормировокъ и ограниченій, не значило ли бы это посягать на мое право жить, именно „жить достойно", заслуженно-достойно?..

Софисты соціализма, всѣ болѣе или менѣе проникнутые классическимъ выраженіемъ Прудона, согласно которому собственность есть, будто бы, не что иное, какъ кража, отрицаютъ это право, не смущаясь никакими нравственно-правовыми коллизіями. Но этимъ они лишь еще разъ дока-

*) *Оправданіе Добра*, стр. 474, по *первому* изданію.

зываютъ, что въ ихъ міросозерцаніи не только шатки и спорны посылки, но совершенно несостоятельны и выводы, такъ какъ они стоятъ въ очевиднѣйшемъ противорѣчіи съ посылками. Ибо кто же, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтитъ, что, когда, наприм., они требуютъ для пролетарія, будущаго „гражданина вселенной", правъ на ту самую собственность, какою владѣютъ теперь имущіе классы, то они требуютъ не во имя чего-либо другого, а во имя тѣхъ же основаній, значеніе которыхъ съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отрицаютъ относительно имущихъ классовъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, когда они требуютъ, чтобы дѣло рукъ пролетарія было отдаваемо ему, какъ его собственность, „по праву и справедливости", то въ сущности, становятся на ту же точку зрѣнія. Пусть это будетъ „обобществленная собственность". Но собственникъ-общество, „коллективная единица",— чѣмъ она, какъ юридическое лицо, отличается отъ частнаго собственника? И злоупотребленія собственностью, при будущемъ соціалистическомъ строѣ, несомнѣнно останутся, такъ что покойный Вл. С. Соловьевъ имѣлъ полное право сказать въ своей *Критикѣ отвлеченныхъ началъ*, что, въ сущности „соціализмъ проводитъ принципъ плутократіи съ большею послѣдовательностью", чѣмъ собственники - индивидуалисты, вслѣдствіе чего соціалистическій строй, какъ союзъ исключитель-

но экономическій, явился бы „крайнимъ выраженіемъ“ буржуазіи или мѣщанства.

Итакъ, одно изъ двухъ: или соціализмъ долженъ открыто признать право собственности и ограничиться лишь работою надъ лучшею нормировкою этого права, сообразно съ основными требованіями нравственнаго попеченія о трудящемся классѣ, или—долженъ понести заслуженный имъ упрекъ не только въ логическомъ противорѣчіи самому себѣ, но и въ эгоистическомъ, радикально безнравственномъ, усвоеніи своимъ послѣдователямъ тѣхъ правъ, въ которыхъ онъ отказываетъ другимъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о правѣ наслѣдованія, который стоитъ въ нерасторжимо-тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ собственности.

Въ сущности, это не что иное, какъ двѣ стороны одного и того же вопроса, и подъ правомъ наслѣдованія, если мы станемъ разсматривать его не отвлеченно, но органически, мы найдемъ ту же идейную основу.

Въ самомъ дѣлѣ, право наслѣдованія, то-есть переходъ собственности по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ или, вообще, отъ предыдущихъ поколѣній къ послѣдующимъ, очевидно, есть не что иное, какъ конкретное выраженіе *замогильной жалости* со стороны отцовъ въ отношеніи къ дѣ-

тямъ, ихъ заботливости о послѣднихъ, которая eo ipso и на дѣтей налагаетъ обязанности: съ одной стороны, благодарной памяти объ отцахъ, вдохновляющей на продолженіе дѣла ихъ жизни, съ другой—такой же заботливости и о своихъ дѣтяхъ. Такъ чрезъ собственность устанавливается живая нравственная связь поколѣній.

Собственность часто унижаютъ, какъ будто бы проявленіе эгоизма. Но въ этомъ освѣщеніи она выступаетъ предъ нами какъ стихія сверхличная, то-есть существенно-этическая, благодаря которой мы чувствуемъ себя живыми и сознательными членами нерасторжимой связи поколѣній и всего вообще нравственно-организованнаго человѣчества,—принимающими отъ другихъ, но и отдающими другимъ, связанными *солидарностію взаимной жертвы.*

Къ этой, спеціально-этической, основѣ примыкаетъ другая, болѣе широкая,—культурно-историческая. Безъ наслѣдованія, въ той или другой формѣ, немыслимъ культурно-историческій ростъ человѣчества. Мы принимаемъ отъ отцовъ по наслѣдству языкъ, нравы, бытовой и хозяйственный укладъ жизни. Наши отцы, такимъ образомъ, какъ бы живутъ въ насъ и, хотя они сошли уже съ исторической сцены, но въ нѣкоторомъ смыслѣ все еще продолжаютъ быть нашими сотрудниками.

Безъ прошедшаго нѣтъ настоящаго. Безъ настоящаго нѣтъ будущаго. Подумать только,—на это указывалъ, между прочимъ, историкъ Нибуръ въ своей полемикѣ съ отвлеченнымъ моралистомъ-идеологомъ Фихте,—чѣмъ былъ бы геній искусства изъ эпохи Возрожденія, если бы его перемѣстить, положимъ, въ эпоху Александра Македонскаго!.. Безъ всякаго сомнѣнія, при отсутствіи исторической почвы, онъ при той же геніальности, не произвелъ бы того же. Сократъ и Кантъ, безспорно, равно великіе геніи въ области философіи. Но какое различіе въ ихъ твореніяхъ! И это потому, что между ними лежатъ цѣлыхъ два тысячелѣтія,—съ ихъ богатымъ, унаслѣдованнымъ Кантомъ, духовно-идейнымъ пріобрѣтеніемъ. Такимъ образомъ, наслѣдованіе, въ частности и наслѣдованіе имущественной собственности, является живымъ связующимъ звеномъ между прошедшимъ и настоящимъ.

Наконецъ, и съ чисто экономической точки зрѣнія, право наслѣдованія должно быть рѣшительно отстаиваемо, какъ факторъ существенно содѣйствующій не только личному, но и общественному матеріальному благосостоянію, росту богатствъ и противодѣйствующій прогрессивному обѣдненію, а вмѣстѣ съ нимъ и культурному измельчанію народовъ.

Эту сторону дѣла хорошо выясняетъ извѣстный

лозанскій профессоръ Секретанъ въ своей замѣчательной книгѣ *Цивилизація и вѣра* *).

„Если“,—пишетъ онъ, между прочимъ,—„мы постараемся опредѣлить общее вліяніе права наслѣдованія на промышленность, то безъ труда убѣдимся, что оно необходимо для общественнаго благосостоянія. Не только не слѣдуетъ, поэтому, нападать на него тамъ, гдѣ оно уже утвердилось, но, напротивъ, несмотря на связанныя съ нимъ неудобства, его нужно торопиться снова укрѣплять и тамъ, гдѣ его сила ослаблена. Наслѣдованіе родовыхъ капиталовъ служитъ, въ самомъ дѣлѣ, необходимымъ условіемъ для всякаго большого производства. Но, кромѣ того, *возможность увѣковѣчить предпріятіе, обезпечивъ, такимъ образомъ, участь своей семьи*, представляетъ для работающаго незамѣнимый источникъ настойчивости и энергіи. Если онъ ничего не можетъ сдѣлать для своихъ родственниковъ, то, очевидно, онъ перестанетъ трудиться, какъ только увидитъ, что его сбереженія достаточны, чтобы безпечально кончить свою жизнь. Издайте законъ, который, не дѣлая никакихъ другихъ измѣненій въ условіяхъ труда, обращалъ бы въ пользу казны всѣ наслѣдства, и вы тотчасъ увидите, что въ соціальномъ организмѣ остановится кровообращеніе. Трудъ будетъ пара-

*) Стр. 86—89. Книга Секретана переведена подъ нашею редакціею. (М. 1900 г.).

лизованъ, вслѣдствіе одновременнаго уменьшенія и нравственныхъ возбужденій и необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, а между тѣмъ богатства, накопленныя предшествовавшими поколѣніями, будутъ уходить на удовлетвореніе текущихъ расходовъ. Въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ результатомъ этого закона будетъ крайнее обнищаніе и даже совершенное разореніе предпринимателей.

„Полное упраздненіе частнаго наслѣдованія“,— продолжаетъ Секретанъ далѣе,—„равнялось бы уничтоженію экономическаго благосостоянія общества. Понявъ это, мы скоро убѣдимся, что и частичная отмѣна права наслѣдованія, въ какой бы то ни было формѣ, явилась бы причиною обѣдненія и ослабленія народа. Наприм., слишкомъ высокій налогъ на всѣ или на нѣкоторые изъ наслѣдуемыхъ капиталовъ неизбѣжно сталъ бы способствовать уменьшенію общественнаго богатства, въ силу соединеннаго дѣйствія только что перечисленныхъ причинъ: растраты (хотя и неполной) пріобрѣтеннаго капитала, уменьшенія производства вслѣдствіе одновременнаго уменьшенія и орудій труда и дѣятельности трудящихся. Наслѣдованіе государства, въ случаѣ отсутствія завѣщанія, преимущественно предъ родственниками боковыхъ линій, правда, не можетъ оказать на производство столь же гибельнаго дѣйствія. Но тѣмъ не менѣе косвенно и оно будетъ способствовать обѣдненію,

потому что дастъ возможность расходовать неприкосновенные капиталы на текущія нужды, а это, какъ не безызвѣстно всякому хозяину, есть одно изъ вѣрныхъ средствъ къ разоренію. Поэтому было бы ошибочно—искать средствъ противъ соціальнаго зла въ глубокомъ преобразованіи дѣйствующихъ законовъ о наслѣдствѣ. Нельзя отъ этого ожидать уничтоженія пауперизма и удовлетворенія потребности въ счастіи, которое каждый изъ насъ считаетъ какъ бы своимъ естественнымъ правомъ".

Итакъ, если мы разсмотримъ право наслѣдованія съ достаточно широкой точки зрѣнія, то убѣдимся, что оно имѣетъ подъ собою троякую основу: этическую, культурно-историческую и спеціально экономическую.

Если соціализмъ, тѣмъ не менѣе, во имя какой-то отвлеченной „справедливости", считаетъ позволительнымъ посягать на это право, до требованія совершеннаго его упраздненія, то онъ поступаетъ не только *не-гуманно*, такъ какъ хочетъ отнять у человѣчества священнѣйшее чувство взаимной солидарности и возможность заботиться другъ о другѣ, простирая эту заботливость и за предѣлы могилы, и не только *не разсчетливо*, такъ какъ проэктируетъ мѣру, которая неизбѣжно повредитъ, какъ это выясняетъ Секретанъ, къ обнищанію общества, но—просто *несеріозно*, такъ какъ призываетъ работать наперекоръ культурно-исто-

ническимъ законамъ, по силѣ которыхъ ростъ человѣчества, или такъ называемый прогрессъ, матеріальный и духовный, можетъ осуществляться не иначе, какъ чрезъ наслѣдованіе, путемъ вхожденія каждаго новаго поколѣнія въ обладаніе тѣмъ, что нажито прежними.

Когда же при этомъ софисты соціализма, лицемѣрно ссылаясь на запретную для нихъ, но священную для каждаго христіанина, Книгу, позволяютъ себѣ иронически утѣшать людей, лишаемыхъ ими правъ и возможностей реально заботить о близкихъ ихъ сердцу, указаніемъ на полевыя лиліи, которыхъ „одѣваетъ самъ Господь“, или на птицъ небесныхъ, которыя „не сѣютъ и не жнутъ“ и, однако, питаются, то имъ можно отвѣтить на это словами покойнаго Вл. С. Соловьева:

„Для подражанія лиліямъ нужно имѣть ихъ чистоту и для подражанія птицамъ небеснымъ нужно имѣть высоту ихъ полета. А при недостаткѣ того или другого, житейская беззаботность можетъ уподобить насъ не лиліямъ и птицамъ небеснымъ, а развѣ только тому животному, которое, въ своей беззаботности о будущемъ, не только подкапываетъ корни благодѣтельнаго дуба, но при случаѣ, вмѣсто желудей, пожираетъ и своихъ собственныхъ поросятъ“ *).

---

*) *Оправданіе Добра*, стр. 476.

Это сказано не только остроумно, но и вполнѣ справедливо, потому что систематически воспитывать людей, какъ этого хотятъ соціалисты, въ чувствахъ беззаботности другъ о другѣ, и особенно старшихъ поколѣній о младшихъ, дѣйствительно, значило бы низводить ихъ на ступень животныхъ и притомъ самыхъ среди нихъ эгоистичныхъ.

V.

Культурно-историческая точка зрѣнія: вопросъ о „соціальномъ неравенствѣ“.

Только что предложенное рѣшеніе вопроса о правѣ личной собственности и правѣ наслѣдованія предрѣшаетъ уже, и именно въ положительномъ смыслѣ, и вопросъ объ экономическомъ или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, соціальномъ неравенствѣ, которое иногда называютъ также и „соціальною дифференціаціею“ (разсчлененность при организованности).

Въ самомъ дѣлѣ, если собственность, въ широкомъ смыслѣ, есть не что иное, какъ единственное, въ сущности, средство осуществленія человѣкомъ его права жить и именно жить достойною *личною* жизнью, а наслѣдованіе собственности есть единственное средство достойно жить жизнью

родовою, осуществлять свое право на жизнь въ физической и нравственной солидарности съ людьми близкими, родными, единомысленными, въ общеніи духовной и матеріальной культуры своего рода, племени, народа, человѣчества: то вотъ предъ нами на лицо не только самый фактъ соціальной дифференціаціи, но вмѣстѣ и его этическое оправданіе, въ качествѣ дальнѣйшаго проявленія или раскрытія тѣхъ-же началъ, стихій и принциповъ, изъ которыхъ истекаютъ и которыми оправдываются и права собственности и ея наслѣдованія.

Но кромѣ этого, дедуктивнаго, оправданія соціальной дифференціаціи, можно высказать въ ея защиту и еще рядъ соображеній, исходя изъ иныхъ точекъ зрѣнія.

И прежде всего соціальная дифференціація,—экономическая, классовая и всякая иная,—есть, вѣдь, такой строй жизни, который не искуственно кѣмъ-нибудь созданъ, образованъ не по договору или соціальному контракту, но органически выросъ изъ условій общественнаго существованія. Общество, по самому понятію своему, есть *расчлененность*, вопервыхъ, и *организованность* вовторыхъ. Это опредѣленіе общества—просто тавтологія. Общество не расчлененное и не организованное было бы хаосомъ, муравейникомъ, но не разумно-человѣческимъ сожительствомъ и сотрудничествомъ. Семья, эта первичная общественная

ячейка, семейный очагъ есть уже расчлененность, съ извѣстнымъ подчиненіемъ жены и дѣтей хозяину дома, который правитъ домомъ и распредѣляетъ между его членами трудъ.

Далѣе, какъ бы мы ни оцѣнивали то явленіе, что, по условіямъ человѣческаго существованія, природнаго и культурнаго, большинство должно быть поглощено заботами о матеріальныхъ условіяхъ существованія, чтобы меньшинство, натуры богаче одаренныя, могли посвящать свои силы и свой досугъ задачамъ высшей культуры, но самый фактъ остается фактомъ: милліоны должны выполнять черную работу, чтобы тысячи могли заниматься дѣлами правленія, наукою, искусствомъ и т. д. Аристотель пронически,—какъ утопію или даже какъ явный абсурдъ,—высказалъ предположеніе: „когда ткацкіе челноки будутъ бѣгать сами собою, тогда рабы сдѣлаются уже больше не нужными“. Но челноки давно уже бѣгаютъ сами собою, машины грохочутъ, силы природы порабощены человѣкомъ, а „рабы“,—не въ древнемъ смыслѣ слова, конечно, но это все равно,—остаются и все еще необходимы, потому что, вѣдь, и при машинахъ нужны люди. И замѣчательно, что по мѣрѣ развитія „механизаціи“ труда, увеличивается и число состоящихъ при немъ живыхъ и одушевленныхъ „рабочихъ силъ“. Замѣчено, что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, на-

примѣръ съ проведеніемъ чрезъ какое-нибудь мѣстечко желѣзнодорожной линіи, въ немъ увеличивается и число лошадей,—хотя, повидимому, мы должны были бы ожидать обратнаго. Почему это? Да, очевидно, потому, что вмѣстѣ съ появленіемъ въ городѣ или мѣстечкѣ желѣзной дороги, въ немъ развивается и потребность въ передвиженіи. Тутъ, слѣдовательно, мы имѣемъ предъ собою одинъ изъ элементарнѣйшихъ законовъ общежитія. Въ подобномъ же отношеніи стоитъ и увеличеніе числа „рабочихъ рукъ“ къ прогрессирующей „механизаціи“ труда, къ возрастанію такъ называемой „машинократіи“: „живыя орудія“ производства никогда не сдѣлаются излишними,—ни при какихъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Такъ и во всемъ другомъ: съ ростомъ общества, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, „соціальная дифференціація“ также непремѣнно возрастаетъ. Это одинъ изъ извѣстныхъ соціологическихъ законовъ Спенсера. Прошло много времени, потребовалась большая, и притомъ часто совсѣмъ непроизводительная, затрата труда, прежде чѣмъ изъ первоначально однородной („не-дифференцированной“) массы выдѣлились („дифференцировались“) государственные люди, ученые, художники, военные, дворяне, какъ носители высшей культуры, купечество, промышленники, ремесленники и т. д. Какъ противоположность уп-

равляемыхъ и правителей вытекаетъ изъ природы государства, такъ классовая и сословная дифференціація или, если угодно, соціальная іерархія, и непремѣнно съ *аристократическимъ возглавленіемъ*, вытекаетъ изъ природы общества.

Мы знаемъ, что для софистовъ соціализма ненавистны даже самыя слова: сословіе, классъ, сословная или классовая организаціи и т. д. Знаемъ, что простою критикою наличнаго строя общественной жизни они не ограничиваются, но переходятъ и „къ дѣлу“. Весь девятнадцатый вѣкъ есть не что иное, какъ рядъ бѣшеныхъ революціонныхъ аттакъ, направленныхъ противъ такъ называемаго „соціальнаго неравенства“, съ его исторически сложившеюся, то-есть аристократическою тенденціею.

Всего чище этотъ историческій процессъ послѣдовательныхъ аттакъ, съ одной стороны, и— соотвѣтственно — капитуляцій, частичныхъ или всецѣлыхъ, съ другой, прошелъ во Франціи. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія третье сословіе или такъ называемая „буржуазія“ повела аттаку на *„земельную аристократію“*, земельныхъ собственниковъ или „феодаловъ“, которые въ значительной степени капитулировали предъ нею. Въ эпоху революціи 1848 г. аттака была направлена уже и противъ такъ называемой *„денежной аристократіи“*: „королей биржи“, „рыцарей желтаго метал-

ла“ и т. д. Но эта аристократическая фракція, тонкимъ политическимъ маневромъ, заключила довольно удачный оборонительный (отчасти и наступательный) союзъ, противъ атакующихъ,—съ „земельною аристократіею“. Съ другой стороны, и атакующіе, то-есть „буржуазія“ сама стала подвергаться нападенію „съ тыла“,—со стороны четвертаго сословія, которое начинаетъ теперь все болѣе и болѣе чувствовать свою силу. Коммунары 1871 года привнесли въ исторію классовой борьбы нѣчто новое: они подняли движеніе уже не только противъ аристократіи, въ ея обѣихъ формахъ, и буржуазіи, но главнымъ образомъ, противъ такъ называемой бюрократіи. Здѣсь впервые, съ полною силою, проявилась демократически-нивеллирующая тенденція въ отношеніи ко всѣмъ вообще образованнымъ классамъ общества или такъ называемой интеллигенціи (чиновникамъ, адвокатамъ, журналистамъ и т. д.), то-есть въ отношеніи къ третьей формѣ аристократіи,—аристократіи ума, образованія, духовной культуры, какъ къ „тунеядцамъ“, „дармоѣдамъ“ и т. д.

Такимъ образомъ, во Франціи послѣдовательно подвергались натиску всѣ три основныхъ формы аристократіи: 1) земельная аристократія, игравшая главную роль при абсолютно-монархическомъ режимѣ; 2) денежная аристократія, игравшая главную роль при конституціонно-монархическомъ ре-

жимѣ, и 3) аристократія образованія, игравшая главную роль при республиканскомъ режимѣ.

Ненавистны, слѣдовательно, соціалъ-демократамъ не только извѣстныя сословія или общественные классы, но и самыя государственныя формы, съ которыми связано ихъ существованіе. И это отмѣтить очень важно. Здѣсь предъ нами, очевидно, не случайность, и не просто безсознательная тенденція историческаго процесса, но своего рода планъ аттаки: подготовка замѣны „правоваго" государства „соціалистическимъ".

То же, что совершилось во Франціи, съ маленькими и обыкновенно весьма незначительными, варіаціями совершалось и въ другихъ государствахъ. То же переживаемъ теперь и мы, въ Россіи. И такъ какъ у насъ революціонный процессъ осложненъ заносными элементами,—не органическими, у насъ и на нашей почвѣ, выросшими, но схваченными на лету, съ Запада, и даже прямотаки *сочиненными*, по чужимъ указкамъ,—то у насъ соціалистическая аттака ведется по всей линіи разомъ, и противъ аристократіи родоваго дворянства, и противъ денежной аристократіи и, особенно, противъ пресловутой бюрократіи... Острота переживаемаго нами момента увеличивается еще тѣмъ, что, вмѣсто того, чтобы объединиться въ цѣляхъ общей самообороны, какъ это было повсюду на Западѣ, наши аристократы всѣхъ трехъ

формъ и всѣхъ ихъ оттѣнковъ, заняты теперь личными счетами, непроизводительно истощающими ихъ силы и ведущими къ позорнымъ уступкамъ и компромиссамъ съ соціалистами. Послѣдніе отлично понимаютъ, въ виду этого, выгоду своего положенія и потому прямо идутъ къ цѣли, на что не всегда рѣшались на Западѣ, то-есть—къ учрежденію „диктатуры соціалистическаго пролетаріата".

Таково фактическое положеніе вопроса о классовой дифференціаціи, съ аристократическимъ возглавленіемъ,—у насъ, да и вообще на континентѣ.

Положеніе печальное, полное зловѣщихъ предуказаній,—особенно именно у насъ, въ Россіи! Но чѣмъ оно печальнѣе, чѣмъ тревожнѣе обстоятельства, тѣмъ настойчивѣе заявляетъ о себѣ необходимость,—уже не теоретическая только, но и практическая, подсказываемая чувствомъ общественно-государственнаго, да и вообще культурнаго, самосохраненія,—и вмѣстѣ гражданскій долгъ каждаго, кто озабоченъ всѣмъ этимъ, вникнуть въ такое положеніе вещей, взвѣсить громадность угрожающей обществу опасности и, со всею рѣшительностію, осудить эти бѣшеныя аттаки противъ основъ общественно-государственнаго строя, заложенныхъ въ „соціальной дифференціаціи".

И какъ ни печально положеніе дѣла, какъ ни близокъ, казалось бы, соціальный катаклизмъ, но онъ не будетъ имѣть мѣста въ исторіи, если его осужденіе будетъ единодушно и основано на сознаніи нами своей внутренней правоты, если противъ тенденцій къ соціальной нивеллировкѣ рѣшительно выскажется общественное мнѣніе.

Осудить же требованіе „соціальнаго равенства“ мы должны по многимъ основаніямъ и, прежде всего, потому, что проектируемая соціалистами нивеллировка общества, съ полнымъ упраздненіемъ „соціальнаго неравенства“, есть замыслъ, съ ихъ собственной точки зрѣнія, полный противорѣчій и даже чисто теоретическихъ несообразностей,—не говоря уже пока о практическихъ, о которыхъ рѣчь дальше.

Обсуждая вопросъ о демократически-нивеллирующей тенденціи соціализма, о его стремленіи къ уничтоженію классовыхъ различій, съ упраздненіемъ даже всякихъ ихъ слѣдовъ, въ какой бы то ни было формѣ, извѣстный уже намъ Трейчке, просто и вмѣстѣ принципіально, замѣчаетъ: „соціалъ-демократія, уже самымъ своимъ названіемъ (очевидно, Трейчке разумѣетъ, что, гдѣ есть демократія, тамъ ео ipso предполагается и существованіе аристократіи) показываетъ, что она желаетъ безсмыслицы“. И это дѣйствительно такъ. Доказательство на лицо. На одномъ изъ своихъ конг-

рессовъ, — аргументируетъ Трейчке,— соціалъ-демократы поставили вопросъ: не народится ли со временемъ, когда четвертое сословіе будетъ у цѣли своихъ стремленій, еще пятое сословіе?.. Конечно, народится, отвѣчаетъ соціалъ-демократамъ на ихъ вопросъ знаменитый историкъ: когда нынѣшніе „квалифицированные“ рабочіе добьются своего и, обзаведясь собственностію и привилегіями, будутъ по двадцати часовъ въ день посвящать „свободнымъ искусствамъ“, то-есть сну, кнайпу въ биргалкахъ и праздной болтовнѣ, тогда непремѣнно долженъ будетъ образоваться, для удовлетворенія насущныхъ потребностей общества и, прежде всего, этой пресловутой „рабочей аристократіи“, пятый классъ, который долженъ будетъ за нихъ трудиться...

Это было написано тридцать лѣтъ тому назадъ и мы знаемъ теперь—объ этомъ уже была рѣчь выше,—что исторія соціализма блестящимъ образомъ подтвердила этотъ выводъ историка. Рабочая аристократія, хотя и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ Трейчке, есть теперь не только фактъ, но и надежда всѣхъ тѣхъ, кто серьезно думаетъ о соціальномъ умиротвореніи.

Итакъ, что же? Не ясно ли, что софисты соціализма, ведущіе и возбуждающіе демократію, а точнѣе охлократію, къ аттакѣ противъ аристократіи и вообще противъ современной соціальной ор-

ганизаціи, вдохновляющіе ее химерами „соціальнаго равенства“,—не ясно ли, что они, лишь другою дверью, вводятъ въ соціальную организацію ту же, ненавистную имъ, аристократію?.. Однако, не явное ли противорѣчіе и не насмѣшка ли надъ исторіею эта пресловутая демократія, съ „самодержавнымъ главою“, по типу Цезаря или Кромвеля, въ лицѣ, напримѣръ, какого-нибудь Бебеля, какъ превосходно выразился графъ Бюловъ въ Германскомъ Рейхстагѣ?.. Что-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, одно: *или* ужъ пусть требуютъ послѣдовательнаго проведенія принципа экономическаго и соціальнаго равенства, и тогда пусть спрячутся всѣ эти „папы“ и „цезари“ соціализма, которые теперь такъ назойливо тянутся къ неограниченной власти, *или*—пусть соціалисты примирятся съ принципомъ соціальнаго неравенства, и притомъ именно съ его аристократическимъ возглавленіемъ, которое дало бы законное логическое право и рабочей аристократіи, выводимой на историческую арену силою вещей, правомѣрно занять свое мѣсто въ ряду другихъ, уже исторически опредѣлившихся, формъ аристократіи. Третьяго выхода и здѣсь, какъ въ другихъ коллизіяхъ, указанныхъ и изслѣдованныхъ нами выше, нѣтъ,—tertium non datur!

Въ итогѣ, выступая съ требованіемъ „соціальнаго равенства“, соціалисты становятся въ откры-

тое и кричащее противорѣчіе съ своими собственными, столь рѣшительно обнаруживаемыми ими, особенно въ послѣднее время, стремленіями къ „соціальному неравенству“, то-есть къ извѣстной уже намъ рабочей аристократіи.

Это во-первыхъ.

Далѣе. Уже одно то обстоятельство, что мечта соціалистовъ о водвореніи на землѣ „соціальнаго равенства“, стоитъ, какъ только сказано, въ противорѣчіи съ ихъ собственными стремленіями къ „соціальному неравенству“, заставляетъ считать осуществленіе соціалистической мечты о всеобщей соціальной нивеллировкѣ въ высокой степени невѣроятнымъ. Но если бы, тѣмъ не менѣе, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, эта мечта осуществилась, то это было бы величайшимъ несчастіемъ для человѣчества, такъ какъ пресловутое „соціальное равенство“ не только понизило бы, и очень быстро, общій уровень уже достигнутой цивилизованнымъ человѣчествомъ культуры, но мало-по-малу и совершенно отбросило бы человѣчество къ первобытнымъ временамъ, такъ что пришлось бы многое, если не все, въ выработкѣ формъ культуры и цивилизаціи, начинать заново.

Эту мысль съ убѣдительностью раскрылъ въ своей книгѣ *Соціальное равенство* *) извѣстный

*) Книга существуетъ и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ *А. А. Великина* (2-е изд. М. 1900 г.)

англійскій философъ-моралистъ, Мэллокъ. Отсылая читателя къ этой, замѣчательной и въ высшей степени достойной вниманія, книгѣ, я, съ своей стороны, ограничусь лишь тѣмъ, что намѣчу здѣсь общую нить разсужденій и аргументаціи ученаго автора.

Одинъ изъ главныхъ тезисовъ Мэллока, который вмѣстѣ съ тѣмъ можно принять и за исходную точку его соображеній, имъ самимъ формулированъ такъ:

„*Каждый производительный трудъ*, возвышающійся надъ его низшими формами, неизмѣнно *происходитъ вслѣдствіе стремленія къ соціальному неравенству*“ (стр. 150).

Этотъ тезисъ авторъ иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ, хорошо подобранныхъ, примѣровъ, изъ которыхъ я приведу лишь одинъ, наиболѣе простой и, въ своей простотѣ, наиболѣе краснорѣчивый,—словами самого Мэллока.

„Возьмемъ“,—пишетъ онъ,—„химика, который за большія деньги руководитъ какимъ-нибудь производствомъ на заводѣ, и разсмотримъ, въ чемъ заключаются мотивы его дѣятельности.

„Во-первыхъ, ясно, что для того, чтобы исполнять такого рода обязанность, онъ долженъ имѣть извѣстныя способности, ибо, не имѣя ихъ, онъ принялся бы за какой-нибудь иной трудъ.

„Во-вторыхъ, несомнѣнно, что, чѣмъ больше

эти способности, тѣмъ менѣе вѣроятія, чтобъ онъ исполнилъ эту свою,—въ общемъ довольно рутинную,—работу изъ платонической охоты къ такого рода труду; слѣдовательно, онъ дѣлаетъ ее для того, чтобы получить извѣстное вознагражденіе.

„Въ-третьихъ, очевидно, что, будь полученіе жалованья невозможно, одно желаніе заработать его, при полномъ сознаніи, что такое стремленіе неосуществимо, не оказало бы, само по себѣ, никакого вліянія на человѣка въ смыслѣ побужденія его къ дѣятельности. Такимъ образомъ, тѣ внѣшнія условія, которыя даютъ ему возможность получать такое вознагражденіе, безусловно необходимы для того, чтобъ его стремленіе заработать эти деньги сдѣлалось дѣйствительною побудительною причиной къ тому, чтобы человѣкъ этотъ принялся за работу.

„Предположимъ теперь, что у химика есть братъ, который на томъ же заводѣ работаетъ въ качествѣ простого кочегара и разсмотримъ, въ чемъ заключаются мотивы его дѣятельности.

„Мы встрѣтимся съ совершенно однороднымъ рядомъ фактовъ.

„Для того, чтобъ исполнить такого рода трудъ, онъ, очевидно, долженъ быть къ нему способенъ: будь онъ безъ рукъ или страдай падучей, онъ не могъ бы сдѣлать этой работы.

„Очевидно также, что онъ трудится не ради

самого труда, то-есть не изъ-за сантиментальной любви бросанія угля въ топку, а для того, чтобъ получить жалованье; это же стремленіе къ полученію жалованья тогда только можетъ дѣйствительно побудить его работать, если такого рода заработокъ вообще возможенъ.

„Отнимите отъ того или другого изъ этихъ людей одно изъ трехъ: его *способность*, его *желаніе* заработать деньги и тѣ *внѣшнія условія*, которыя даютъ возможность подобнаго заработка,—и мотива для дѣятельности у человѣка не будетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ и самаго труда. Если же мы, сохраняя всѣ три, замѣнимъ лишь первый изъ этихъ элементовъ какимъ-либо другимъ,—мотивъ для дѣятельности не исчезнетъ, но онъ произведетъ уже трудъ совершенно иного рода.

„Такъ какъ трудъ химика существенно отличенъ отъ труда кочегара, то очевидно, что и въ мотивахъ, побуждающихъ каждаго изъ братьевъ къ труду, должно быть соотвѣтственное различіе.

„Въ чемъ же заключается это различіе?

„Прежде всего, возможно, что химикъ и кочегаръ начали жизнь, имѣя одинаковыя способности, и оба одинаково понимали, что, чѣмъ болѣе они будутъ ихъ развивать, тѣмъ выше будетъ ихъ заработокъ впослѣдствіи, но при этомъ кочегаръ былъ такъ лѣнивъ, что это стремленіе къ достиженію большаго заработка не могло преодолѣть

въ немъ склонности къ бездѣйствію: въ результатѣ онъ оказался способнымъ только къ низшимъ формамъ труда и принужденъ довольствоваться жалованьемъ, которымъ обыкновенно оплачивается подобнаго рода работа.

„Во-вторыхъ, возможно, что оба брата были одинаково прилежны и оба проникнуты стремленіемъ получить возможно больше вознагражденія за свой трудъ въ будущемъ; но у нихъ были разныя способности, и хотя оба старались изъ всѣхъ силъ, но результаты получились разные; оба стремились сдѣлаться химиками, удалось же это только одному, болѣе способному.

„Такимъ образомъ, различіе въ мотивахъ, соотвѣтствующее разному роду ихъ труда, заключалось бы въ первомъ нашемъ предположеніи въ ихъ желаніяхъ, а во второмъ—въ ихъ способностяхъ, и въ обоихъ случаяхъ во внѣшнихъ окружающихъ ихъ условіяхъ, потому что въ обоихъ случаяхъ мы предполагали разницу въ размѣрѣ вознагражденія, получаемаго каждымъ изъ братьевъ, и то, что размѣръ этотъ видоизмѣняется сообразно роду ихъ труда.

„По отношенію къ этому послѣднему элементу я утверждаю“,—говоритъ Мэллокъ,—„что онъ является главнѣйшею составною частію мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ труду; что, если бы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не было налицо

соотвѣтственнаго различія въ окружающихъ человѣка условіяхъ, то различія въ первыхъ двухъ составныхъ элементахъ мотивовъ человѣческой дѣятельности не имѣли бы, практически, никакого значенія: ихъ не существовало бы въ дѣйствительности, такъ какъ различія въ желаніяхъ людей, не будь соотвѣтственнаго различія во внѣшнихъ окружающихъ человѣка условіяхъ, не имѣли бы подъ собою почвы, а различіе въ способностяхъ было бы незамѣтно, ибо никто не сталъ бы развивать ихъ въ себѣ.

„Иными словами, несмотря на все различіе, которое существуетъ между природными способностями и стремленіями отдѣльныхъ людей, различіе это никогда не было бы замѣтно, если бы въ условіяхъ окружающей насъ жизни не было соотвѣтственнаго различія въ матеріальныхъ благахъ, которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Если талантъ и энергичная дѣятельность не могли бы доставить человѣку больше того, что имѣлъ бы самый лѣнивый и неразвитой индивидуумъ, тогда всѣ люди были бы одинаково лѣнивы и неразвиты.

„При такомъ положеніи вещей Колумбъ не сталъ бы дѣлать большаго, чѣмъ дѣлаетъ простой матросъ и, если мы вернемся къ нашимъ двумъ братьямъ, то мы не нашли бы уже химика, между ними, такъ какъ оба они были бы кочегарами.

Весь міръ былъ бы тогда живымъ кладбищемъ безмолвныхъ и никому неизвѣстныхъ Мильтоновъ и Кромвелей, которые ничего не сдѣлали для своего отечества...

„Такимъ образомъ, природныя способности человѣка являются мѣриломъ того, *какъ много* можетъ онъ сдѣлать, но по нимъ никоимъ образомъ нельзя судить о томъ, *какъ мало* онъ сдѣлаетъ, быть можетъ, въ дѣйствительности. Въ этихъ максимальныхъ предѣлахъ, которые опредѣляются его способностями, отъ человѣка зависитъ та степень развитія, которую онъ имъ дастъ въ дѣйствительности. А онъ руководствуется стремленіемъ пріобрѣсти такимъ путемъ нѣкоторыя внѣшнія преимущества.

„Разсужденіе наше,—заключаетъ Мэллокъ,—сводится, такимъ образомъ, къ слѣдующему: способности людскія неодинаковы, въ смыслѣ практическаго ихъ существованія, потому, что *люди стремятся сами къ развитію природнаго неравенства.* Они стремятся къ развитію такового природнаго неравенства потому, что желаютъ поставить себя въ неравныя внѣшнія условія жизни. Это же послѣднее желаніе только потому имѣетъ силу, что окружающій насъ общественный строй даетъ возможность достигнуть такого неравенства въ условіяхъ индивидуальнаго существованія. Тѣ неравенства въ способностяхъ и стремленіяхъ от-

дѣльныхъ людей, которыя, по общему признанію, вліяютъ на различіе въ мотивахъ, побуждающихъ человѣка къ тому или иному труду,—являются сами продуктомъ неравенства во внѣшнихъ условіяхъ жизни, и не будь этого неравенства, они никогда бы не обнаружились. Такимъ образомъ, неравенство въ этихъ внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условіяхъ или, что то же, соціальное неравенство—является конечною причиной возникновенія высшихъ формъ труда" *).

Мэллокъ прослѣживаетъ далѣе, съ той же точки зрѣнія, всѣ такъ называемыя „свободныя" профессіи,—художника, ученаго, литератора, изобрѣтателя, духовныхъ лицъ, филантроповъ и т. д.,—и повсюду находитъ, что главнѣйшимъ стимуломъ дѣятельности, большаго и лучшаго труда является именно стремленіе людей къ соціальному неравенству.

„Каждый великій человѣкъ",—пишетъ онъ (стр. 208),—„насадившій новую область промышленности, обогатившій міръ новымъ открытіемъ или подчинившій человѣку какую-нибудь новую силу природы, каждый такой человѣкъ былъ побуждаемъ къ этому, въ весьма большой степени, стремленіемъ къ соціальному неравенству того или иного рода".

---

*) Стр. 98—110. passim.

Изъ этого тезиса Мэллокъ дѣлаетъ (стр. 219—220) рядъ слѣдующихъ, очевидныхъ и поучительныхъ, выводовъ въ отношеніи къ условіямъ прогресса:

„Во-первыхъ, прогрессъ является настолько продуктомъ дѣятельности великихъ людей, что, не будь ихъ, онъ не существовалъ бы.

„Во-вторыхъ, дѣятельности этихъ великихъ людей также не существовало бы, не будь они проникнуты стремленіемъ къ неравенству, которое, въ свою очередь, только потому столь мощно вліяло на нихъ, что строй общества допускалъ возможность достиженія неравенства.

„Слѣдовательно, всѣ тѣ *успѣхи матеріальнаго прогресса*, которымъ демократы придаютъ столь большое значеніе, *никогда не возникли бы, если бы общество не было построено на принципѣ неравенства*“.

Отсюда у Мэллока дальнѣйшій,—глубоко смущающій, но столь же неотразимый выводъ,—а именно: если прогрессъ и цивилизація, столь очевиднымъ образомъ, зависятъ отъ стремленія людей къ соціальному неравенству, какъ главнѣйшаго стимула ихъ труда и причины различія въ его количествѣ и качествѣ, то ясно, что, съ устраненіемъ этого стимула, съ водвореніемъ соціальнаго равенства, прогрессъ и цивилизація приняли бы,

такъ сказать, обратный ходъ,—въ направленіи къ пониженію, вплоть до совершеннаго упадка.

„Когда мы говоримъ о высшихъ формахъ труда“,—пишетъ онъ (стр. 243—245),—„объ его усовершенствованіи, въ какой бы то ни было области,—у работника, инженера, ученаго или крупнаго фабриканта,—мы не имѣемъ дѣла съ чѣмъ-либо такимъ, что, будучи разъ произведено, останется на вѣчныя времена въ распоряженіи нашемъ. Наоборотъ, результаты всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ высшихъ формъ труда могутъ совершенно исчезнуть, по прошествіи какихъ-либо сорока лѣтъ, и по истеченіи этого времени весь этотъ трудъ долженъ будетъ созданъ заново слѣдующимъ поколѣніемъ людей.

„Цивилизація наша не что иное, какъ несчастный дворецъ, постоянно разсыпающійся и поэтому постоянно подлежащій новому созиданію, и если бы этотъ послѣдній созидательный процессъ былъ прерванъ, хотя бы на полстолѣтіе, то все зданіе цивилизаціи не замедлило бы превратиться въ безформенную груду развалинъ.

„Гдѣ въ настоящее время тѣ люди, которые въ будущихъ поколѣніяхъ будутъ рязсѣевать мракъ электричествомъ, вѣщать лживыя или вѣрныя мысли во всѣ концы свѣта со страницъ книгъ и газетъ, или будутъ порабощать пространство локомотивами и пароходами? Нѣкоторые изъ нихъ—въ

люлькахъ, другіе—въ начальныхъ школахъ. Одни не могутъ еще говорить, другіе—читаютъ по складамъ. Они такъ же мало знаютъ о парѣ, о географіи или мореплаваніи, какъ Адамъ. Всему этому имъ надо научиться упорнымъ трудомъ. Задача эта нелегкая для всѣхъ и весьма трудная для многихъ, и они могутъ исполнить ее не иначе, какъ усиліемъ своей воли, преодолѣвая всѣ препятствія энергіей и терпѣніемъ.

„Но какой же мотивъ возбудитъ въ нихъ подобное желаніе, дастъ имъ силу выполнить такое нелегкое дѣло? Для обезпеченія своего существованія достаточно, вѣдь, низшихъ формъ труда, и милліоны людей имъ и ограничиваются. Почему же меньшинство добровольно избираетъ исполненіе такихъ исключительныхъ трудовъ? Нѣтъ той внѣшней силы, которая могла бы ихъ къ этому принудить. Отъ нихъ зависитъ развить ихъ или дать имъ угаснуть. Поэтому, если въ настоящее время высшія формы труда сами опредѣляютъ размѣры своего вознагражденія и возникаютъ только при условіи полученія неравной платы, то они должны и въ будущемъ—разъ будетъ существовать цивилизація — сохранять подобное же положеніе“.

Общій результатъ замѣчательнаго изслѣдованія Мэллока можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ—изъ его заключительной главы:

1. „Всякое измѣненіе въ существующемъ соціальномъ строѣ, направленное къ уничтоженію неравенства, въ результатѣ своемъ поведетъ къ уничтоженію или уменьшенію цивилизаціи“ (стр. 256).

2. „Соціальное равенство, не будучи цѣлію прогресса, наоборотъ, явилось бы причиною регресса и, потому, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ попытокъ къ его установленію“ (стр. 271).

3. „Ученіе о соціальномъ равенствѣ, поставило бѣдныхъ въ совершенно ложное положеніе: вмѣсто того, чтобы сдѣлать цивилизацію первымъ другомъ неимущихъ и обездоленныхъ, ученіе это, введя бѣдныхъ въ глубокое заблужденіе, сдѣлало ихъ врагами цивилизаціи“ (стр. 273).

На основаніи только-что изложенныхъ доводовъ Мэллока,—доводовъ, на мой взглядъ, совершенно неопровержимыхъ,—можетъ быть установленъ слѣдующій общій тезисъ: во имя цивилизаціи и культуры, ради сохраненія тѣхъ благъ, которыя человѣчество пріобрѣло съ такимъ большимъ трудомъ и затратою столькихъ силъ на своемъ долгомъ историческомъ пути, мы должны со всею рѣшительностью отказать въ своемъ сочувствіи уравнительнымъ тенденціямъ соціалистовъ и тѣмъ болѣе въ содѣйствіи осуществленію ихъ мечтательнаго „соціальнаго равенства“.

Это—во-вторыхъ.

У насъ остается еще точка зрѣнія на занимающій насъ теперь вопросъ, точка зрѣнія собственно этическая, перейти на которую побуждаютъ насъ ходячія сужденія о предметѣ, распространенныя при томъ и внѣ соціалистическихъ круговъ.

Говорятъ, и всѣ мы слышали и нерѣдко слышимъ эти сужденія:

Пусть соціальное неравенство есть необходимое условіе „прогресса цивилизаціи и культуры“: но развѣ,—такъ обыкновенно спрашиваютъ,—развѣ позволительно, съ нравственной точки зрѣнія, хотя бы даже и во имя этой высокой цѣли, обрекать на непосильный трудъ и нищету низшіе классы трудящагося люда, развѣ совмѣстимо это съ достоинствомъ человѣка и его безусловной цѣнностью?...

Отвѣчу на это, прежде всего, напоминаніемъ одного простого, но, къ сожалѣнію, часто забываемаго требованія „этики мышленія“: не всякій человѣкъ всякое возраженіе можетъ дѣлать,—хотя бы оно и было истинно само по себѣ и безотносительно. Такъ и въ данномъ случаѣ. Я понялъ бы только что формулированное возраженіе въ устахъ представителя общечеловѣческой этики, идеалистическаго міросозерцанія, на почвѣ христіанской. Понялъ бы, во всякомъ случаѣ, скорѣе, чѣмъ въ устахъ соціалиста. Но когда люди, измѣ-

ряющіе человѣка рыночною цѣною производимой имъ работы, отрѣшившіе свою этику отъ всякихъ безусловныхъ нормъ,—когда *они* возстаютъ противъ цивилизаціи во имя „безусловной“ цѣнности человѣческой личности, то это, въ ихъ устахъ, не только самопротиворѣчиво, но и просто смѣшно.

Далѣе. Въ чемъ собственно усматривается, въ данномъ случаѣ, соціалистами несправедливость и жестокость?... Конечно, если выхватить изъ сложной и чрезвычайно переплетенной жизни иную деталь, обобщить и представить ее въ картинномъ изображеніи, то можно „сдѣлать впечатлѣніе“ и написать яркій памфлетъ на современный соціальный строй. Можно набрать такихъ деталей нѣсколько и наполнить этими соціальными іереміадами, на мотивъ экономической и соціальной несправедливости, цѣлые томы... Вотъ, напримѣръ, разряженная публика, въ ложахъ и на скамьяхъ ипподрома,—безпечная, веселая, и говорливая. Около зданія „круга“, но за его стѣнами, бѣдная женщина тщетно проситъ о подаяніи,—о, конечно, тщетно, ибо, вѣдь, богачи всѣ такіе безсердечные и безжалостные!—для своего сына, котораго держитъ на рукахъ, сама едва держась на ногахъ отъ голода. Вотъ конюхи суетятся около „благородныхъ животныхъ“, насильно вливая имъ въ ротъ,—и все ради утѣхи тѣхъ же разряженныхъ, сидящихъ въ ложахъ, богачей,—бутылки шампан-

скаго или коньяку, что-ли, чтобы разгорячить и взбодрить... Контрастъ выразительный,—не правда ли?.. Но развѣ контрасты существуютъ лишь въ этихъ или имъ подобныхъ условіяхъ, гдѣ фигурируетъ „праздно-роскошествующая“ публика?.. Мы видимъ ихъ повсюду, гдѣ предъ нами протекаетъ реальная и подвижная жизнь. Вотъ предо мною листъ соціалъ-демократической газеты: на первыхъ страницахъ, въ такъ называемыхъ корпусахъ и подкорпусахъ, гремятъ громы противъ „притѣснителей“ и „эксплуататоровъ“, сверкаютъ молніи едва сдерживаемаго негодованія. Далѣе слѣдуютъ „ужасающіе“,—о непремѣнно ужасающіе!—факты пауперизма... Но потомъ,—потомъ, на послѣдней страницѣ, въ отдѣлѣ объявленій, цѣлый рядъ зазываній того же пролетаріата въ различныя излюбленныя „локали“, соблазнъ всяческими дешевыми приманками... Развѣ это менѣе краснорѣчивый контрастъ?.. Взглянемъ, однако, на жизнь не подъ угломъ той или другой яркой детали, а въ цѣломъ и общемъ, и тогда предъ нами выступитъ совершенно иная картина.

Начнемъ съ того, что, вѣдь, фактически тотъ контрастъ, на который такъ охотно и съ такимъ злорадствомъ указываютъ соціалисты, противоположность между высшими и низшими классами, какъ между двумя различными мірами, есть не что иное, какъ абстракція.

Кажется, ни на что другое соціалисты не нападаютъ съ такою бѣшеною страстностью, какъ на заявленіе представителей высшихъ классовъ,—напримѣръ, съ парламентской трибуны или въ печати,—что, въ сущности, всѣ „работаютъ“, а не одни рабочіе, не одинъ пролетаріатъ. И это, съ ихъ стороны понятно. Вѣдь они придаютъ значеніе лишь мускульному труду. Лишь онъ одинъ, въ ихъ глазахъ, имѣетъ цѣнность. Трудъ же ученаго, художника, государственнаго человѣка, въ ихъ глазахъ, есть какое то полудѣло, чуть ли не ради развлеченія... Допустимъ, что отчасти это и такъ. Но,—скажите,—гдѣ въ соціально-государственномъ сотрудничествѣ можно провести границу между этими двумя формами труда, трудомъ мускульнымъ и умственнымъ или вообще духовнымъ? Разграничительную линію между ними трудно было бы провести уже и относительно какой-нибудь фабрики или какого-нибудь крупнаго промышленнаго предпріятія, не говоря уже о всей исполинской общественно-государственной „машинѣ“, тутъ цѣлый рядъ переходныхъ оттѣнковъ... Да и съ научной, психо-физіологической, точки зрѣнія мы не можемъ провести такой границы, потому что наука говоритъ, что всякій духовный трудъ непремѣнно имѣетъ свой органическій эквивалентъ, сопровождается затратою мускульной и нервной энергіи. И еще вопросъ—съ

психо-физіологической точки зрѣнія—гдѣ, въ физическомъ или духовномъ трудѣ, затрачивается ея большее количество.

Съ другой стороны, мы не можемъ и не должны представлять себѣ общественно-государственное сотрудничество, какъ что-то застывшее и навсегда кристализованное, но скорѣе должны уподобить его дыханію вѣчно подвижнаго моря, гдѣ волны вздымаются и падаютъ. Мы видимъ постоянно, какъ потомки нѣкогда высоко стоявшихъ родовъ падаютъ,—благодаря ли печальнымъ случайностямъ или собственной винѣ,—и какъ, съ другой стороны, человѣкъ „низкаго происхожденія“ поднимается на высоту, едва вообразимую. И всякій разъ, какъ природное дарованіе, при благопріятномъ „стеченіи обстоятельствъ“, возводитъ на высоту человѣка, способнаго на ней стоять,—кто бы онъ ни былъ по происхожденію,—онъ въ правѣ, въ интересахъ самаго общества, на благо котораго работаетъ, и дѣла, къ которому приставленъ, создавать для себя почву или условія, которыхъ требуетъ его индивидуальность для плодотворной работы, пока его требованія отъ жизни не сталкиваются съ условіями общечеловѣческой нравственности. Кто, напримѣръ, счелъ бы справедливымъ, чтобы Бисмаркъ, ради „соціальнаго равенства“ и „соціальной справедливости“, перемѣнилъ бы,—хотя бы лишь на время,—свое

канцлерское кресло на прилавокъ въ магазинѣ или на бѣлый фартукъ какого-нибудь рестораннаго кельнера или сталъ бы рядовымъ мастеромъ къ рабочему станку?.. Существуютъ, слѣдовательно, неравенства, предъ которыми должна отступить всякая нивеллирующая щепетильность. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на ступени служенія обществу, сообразно своимъ дарованіямъ и работоспособности, тѣмъ болѣе онъ приноситъ пользы самому обществу,—пользы, часто внѣшне не ощутимой, но тѣмъ не менѣе сказывающейся повсюду. Подумайте, напримѣръ, сколько великіе писатели или художники даютъ заработка низшимъ классамъ: типографамъ, граверамъ и т. д.! Трейчке превосходно сказалъ однажды, что тѣнь Канта сражалась во всѣхъ войнахъ девятнадцатаго вѣка за благо и славу страны, вмѣстѣ съ простыми рядовыми солдатами, никогда не прочитавшими ни одной строчки изъ его сочиненій, ибо въ нихъ, переходя чрезъ всю образованную нѣмецкую націю, безсознательно, но властно, дѣйствовалъ открытый имъ категорическій императивъ.

Вообще, высшіе классы законами непрерывнаго обмѣна услугъ до нерасторжимости тѣсно связаны съ низшими и, если бы въ этой области возможна была статистика, то, вѣроятно, она показала бы на фактахъ, въ цифрахъ, что гораздо больше оказываютъ услугъ высшіе классы низшимъ, чѣмъ

наоборотъ. Геніальность безпредѣльно добра и щедра,—по образу отпечатлѣнной въ ней Божественной щедродательности. Она даетъ чрезвычайно много, почти ничего не получая взамѣнъ. Какъ краснорѣчивъ даже одинъ этотъ фактъ! И какъ, въ сравненіи съ нимъ, жалки и ничтожны, какъ мало благородны всѣ тѣ мелочно-крохоборныя ламентаціи, которыми соціализмъ хочетъ революціонировать массы противъ высшихъ классовъ, во имя допускаемой будто бы ими соціальной несправедливости!..

Заключу свое изслѣдованіе вопроса о такъ называемомъ соціальномъ неравенствѣ напоминаніемъ чрезвычайно точнаго афоризма Ницше, который я уже приводилъ выше: „равнымъ равное, а неравнымъ неравное“,—вотъ справедливость! Надъ всѣмъ человѣчествомъ, со времени грѣхопаденія, тяготѣетъ проклятіе труда. Но каждый работаетъ въ мѣру своихъ способностей и желанія или, если угодно, интереса,—одинъ такъ, другой иначе, одинъ въ этой сферѣ, другой въ другой. Этимъ и опредѣляется—„справедливо“ опредѣляется—мѣсто каждаго въ соціальной іерархіи, на той или другой соціальной ступени, на томъ посту и въ томъ положеніи, на какомъ каждый поставленъ.

Въ конкретной дѣйствительности этотъ законъ соціальной справедливости, конечно, не всегда

осуществляется вполнѣ. Но съ этимъ мы должны мириться повсюду, потому что наша земная дѣйствительность вообще крайне несовершенна. Мы имѣемъ, однако, уже и при данномъ соціальномъ строѣ, такъ сказать коррективъ противъ этихъ отклоненій отъ нормы, какъ бы регуляторъ соціальной справедливости. При современномъ, аристократическомъ расчлененіи общества, конечно, лишь меньшинство, выполняющее высшія общественно-государственныя функціи или вообще формы труда, пользуется благами утонченной культуры, потому что,—и это фактъ, съ которымъ волей неволей приходится мириться,—людей, богато одаренныхъ въ человѣческой семьѣ, къ несчастію, гораздо меньше, чѣмъ рядовыхъ посредственностей. Но за то всякій безъ исключенія, всякій способный и того стоющій, можетъ и теперь подняться въ ряды этого меньшинства, такъ какъ наличнымъ соціальнымъ строемъ эта возможность ни для кого не исключена. Если мы примемъ это во вниманіе и взвѣсимъ этотъ тезисъ по достоинству, то будемъ уже менѣе чувствительны и воспріимчивы къ соціалистическимъ декламаціямъ на мотивъ „соціальной несправедливости“. Не—несправедливость это, но справедливость, когда равнымъ отдается равное, а неравнымъ неравное!

Съ развитіемъ культуры, въ правовое и нравственное сознаніе человѣчества все болѣе и болѣе

входитъ понятіе такъ называемаго „достойнаго существованія“,—конечно не Менгеромъ открытое, хотя соціалисты и думаютъ связать его съ этимъ именемъ. *Пусть каждый, до послѣдняго рабочаго, получитъ возможность существовать достойно человѣка, благодаря системѣ направленныхъ къ этой цѣли экономическихъ нормировокъ*: вотъ тотъ минимумъ, какого теперь требуютъ. Требованіе справедливое, и нужно желать, чтобы соціальный строй каждому, кто имѣетъ способность и желаніе, давалъ возможность выбираться въ ряды людей, предъ которыми открыты блага духовной культуры. Но пусть же, съ другой стороны, не требуютъ какъ это позволяютъ себѣ соціалисты, чтобы каждый былъ, „какъ всѣ“; чтобы отецъ, во имя „равенства“ и „справедливости“, не смѣлъ оставлять слабому или больному ребенку своихъ сбереженій, представляя его „благодѣтельной“ коммунѣ; чтобы Бисмарки становились къ рабочему станку или подвязывали фартукъ кельнера; чтобы сына королевы отдавали въ подмастерья къ сапожнику!.. Пусть не требуютъ этого, ибо это было бы не только очевиднѣйшимъ нарушеніемъ принципа „достойнаго существованія“, но высочайшею несправедливостью и жесточайшимъ варварствомъ, какое только можно придумать. Пусть не требуютъ! Это требованіе запрещается не только принципомъ аристократа Ницше: „равнымъ равное, а

неравнымъ неравное", но—и принципомъ самихъ демократовъ - соціалистовъ, согласно которому „*всѣмъ* должно быть обезпечено достойное существованіе".

А теперь подведемъ заключительные итоги, бросимъ общій взглядъ на соціализмъ и такъ называемое „соціальное движеніе".

VI.

Заключительныя соображенія.

На Западѣ уже давно поняли истинную сущность того сложнаго явленія, которое, когда его разсматриваютъ, *какъ доктрину*, называютъ соціализмомъ, а когда разсматриваютъ, *какъ практику и политическую тактику*,—соціальнымъ движеніемъ.

Извѣстный Анатоль Леруа-Больё остроумно сказалъ однажды: „соціализмъ есть не что иное, какъ фальшивая монета, которою политическіе игроки расплачиваются за избирательныя голоса" *). И это довольно распространенный на Западѣ взглядъ. Только лишь самые наивные не научились еще тамъ отличать эту, дѣйствительно, „фальшивую

*) Anatole Leroy-Beaulieu: La papauté, le socialisme et la democratie, Paris, 1892, p. 51.

монету“ отъ настоящихъ полноцѣнныхъ монетъ и только самые легковѣрные могутъ еще довѣрять широкошумнымъ соціалистическимъ обѣщаніямъ на счетъ водворенія, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, чего-то вродѣ „земного рая“. Люди же серьезные и вдумчивые давно уже слушаютъ эти обѣщанія со сдержанною скептическою улыбкой,—если не прямо съ негодованіемъ, какъ явную и завѣдомую ложь, разсчитанную именно на легковѣрныхъ, на массу, которая всегда, вѣдь, наклонна принимать желаемое за осуществимое.

Въ соціализмѣ есть доля правды, нѣчто достойное сочувствія, осуществленіе чего, дѣйствительно, было бы весьма желательно въ интересахъ общественно-государственнаго самосохраненія. Но въ немъ, и особенно въ его крайнихъ формахъ, еще больше элементовъ, явно враждебныхъ государственности и общественности и даже прямо разрушительныхъ.

Въ конечномъ счетѣ, пассивъ соціализма,—какъ выразился одинъ изъ предшествовавшихъ лекторовъ, съ этой же каѳедры, Л. А. Тихомировъ,—далеко превосходитъ его активъ.

Если же, при этомъ, мы примемъ во вниманіе, что предъ нами не бухгалтерская книга съ равнодушными итогами, не мертвыя цифры, но живое явленіе или, точнѣе, живой органическій про-

цессъ, затрогивающій всѣ ткани общественно-государственной жизни современныхъ культурныхъ народовъ, до мельчайшихъ ячеекъ, то должны будемъ признать, что *соціализмъ есть не что иное, какъ общественная болѣзнь*,—болѣзнь, добавляю, эпидемическая, съ чрезвычайно стойкимъ и живучимъ контагіемъ, и въ высшей степени затяжная...

Да, соціализмъ есть именно болѣзнь,—болѣзнь „коллективнаго организма", называемаго обществомъ.

Но для того, чтобы правильно бороться съ какою бы то ни было болѣзнью, особенно же съ болѣзнью, какъ въ данномъ случаѣ, затяжною, нужно, какъ извѣстно, во-первыхъ, поставить точный діагнозъ, и, если возможно, прогностику болѣзни, а, соотвѣтственно этому, во-вторыхъ, выработать опредѣленный планъ леченія, въ положительныхъ и отрицательныхъ моментахъ, или, какъ говорятъ, опредѣленный режимъ для больного, причемъ, конечно, нельзя оставаться при однихъ діагнозахъ и рецептахъ, но необходимо осуществлять ихъ на дѣлѣ.

Вотъ этими-то точками зрѣнія и требованіями и должно опредѣляться отношеніе къ соціализму со стороны каждаго, кто не хочетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ въ виду надвигающейся соціалистической грозы.

Такимъ образомъ, общая практическая задача въ отношеніи къ соціализму разрѣшается въ рядъ частныхъ.

Что касается, прежде всего, діагноза и прогностики, то не подлежитъ сомнѣнію, что, хотя силы общественнаго и государственнаго самосохраненія, работающія противъ соціализма, и не дадутъ ему осуществиться вполнѣ, но, если бы онъ осуществился,—положимъ, путемъ насильственно-революціоннаго переворота,—то это было бы нѣчто воистину ужасное.

Я могъ бы иллюстрировать только что высказанное положеніе цѣлымъ рядомъ картинъ изъ современной художественной литературы, напримѣръ, по сочиненіямъ Достоевскаго, Пшибышевскаго, Красинскаго и др. Но я боюсь, что мнѣ скажутъ, что это—„фантазіи“ поэтовъ, произвольныя и далекія отъ дѣйствительности, невѣрно освѣщающія перспективы будущаго.

Я могъ бы, затѣмъ, привести цѣлый рядъ еще болѣе смущающихъ мнѣній о соціализмѣ изъ сочиненій философовъ и мыслителей, вродѣ, напримѣръ, Гартмана или Ницше, которые изображаютъ „многоголовую диктатуру“ пролетаріата, какъ въ тысячу разъ худшую, чѣмъ какая бы то ни была единоличная диктатура. Но мнѣ могутъ сказать, что это—„буржуазно-аристократическіе философы“,

которымъ де нельзя довѣрять, когда они говорятъ о демократіи...

Поэтому я позволю себѣ привести лишь одну выдержку изъ сочиненій автора, котораго очень трудно упрекнуть въ предубѣжденіи противъ соціализма, демократіи и т. д., потому, что онъ самъ одно время—пока не разочаровался—былъ соціалистомъ и демократомъ.

Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ:

„Соціальная революція могла бы привести лишь къ страшному катаклизму, непосредственнымъ результатомъ котораго явилось бы, прежде всего, обезпложеніе земли; затѣмъ—то, что общество заключено было бы въ горячечную рубашку и, еслибъ такое положеніе вещей могло продолжаться хотя нѣсколько недѣль, то отъ неожиданнаго голода погибло бы три или четыре милліона людей. Когда правительство останется безъ средствъ, когда страна лишится производствъ и торговли, когда голодный Парижъ“,—пишетъ французъ о Франціи,—„осажденный департаментами, въ силу неплатежа денегъ и отсутствія вывоза, останется безъ подвоза припасовъ; когда рабочіе, деморализованные политикой клубовъ и праздностью мастерскихъ, будутъ искать какихъ бы то ни было средствъ къ жизни; когда государство конфискуетъ всѣ золотыя и серебряныя вещи гражданъ, чтобъ перелить ихъ въ звонкую монету; когда домовые обыски

останутся единственнымъ способомъ покрытія контрибуціи; когда будетъ разворована первая скирда хлѣба, будетъ разграбленъ первый домъ, осквернена первая церковь, зажженъ первый факелъ, прольется первая кровь, падетъ первая голова, когда мерзость запустѣнія воцарится во всей странѣ: о, тогда вы узнаете, что такое соціальная революція!.. Разнузданная вооруженная толпа, опьяненная лишеніями и яростью; пики, топоры, обнаженныя сабли, тесаки и молоты, мрачный замолкшій городъ; всеобщее недовѣріе и подозрительность, шпіоны въ кругу семьи; всѣ слова подслушиваются, подмѣчаются слезы, подсчитываются вздохи и молчаніе не спасаетъ отъ испытаній... Шпіонство и доносы, неслыханныя реквизиціи, принудительные прогрессивные займы, обезцѣненныя бумажныя деньги, война и враги на границахъ, безпощадные проконсулаты, комитетъ общественнаго спасенія, верховный комитетъ съ желѣзнымъ сердцемъ: вотъ плоды, такъ называемой, демократической и соціальной революціи! *Всѣми силами души я отрекаюсь отъ безсильнаго и безнравственнаго соціализма, способнаго дѣлать изъ людей только болвановъ и мошенниковъ*! Я заявляю это, въ виду той подпольной пропаганды, скрытаго сенсуализма, грязной литературы, нищенства, немощи духа и сердца, которыя уже начинаютъ

привлекать на свою сторону часть рабочихъ. Я чистъ отъ соціалистическаго безумія"!..

Какъ думаете, кто написалъ эту, воистину ужасающую, страницу?..

Не кто иной, какъ Прудонъ *), тотъ самый Прудонъ, которому принадлежитъ извѣстный афоризмъ: „собственность есть кража" и котораго соціалисты крайнихъ формъ считаютъ однимъ изъ своихъ „великихъ учителей" и вождей... Такъ учатъ доктринеровъ соціализма факты!

И опять—я могъ бы привести цѣлый рядъ такихъ выписокъ изъ сочиненій соціалистовъ или людей, наклонныхъ къ соціализму, вродѣ Спенсера, наприм. Но я боюсь утомить ваше вниманіе... Да это было бы, пожалуй, и излишне. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ,—и одной этой выписки, чтобы доказать, что не „фантазируетъ", наприм., Красинскій, когда,—въ своей, оригинально задуманной, *Не-Божественной комедіи*,—заставляетъ художниковъ, при соціалистическомъ режимѣ, понять свою задачу такъ:

„На руинахъ готическихъ храмовъ мы воздвигнемъ иныя святыни: не будетъ иконъ въ нихъ и статуй. Своды воздвигнемъ изъ длинныхъ книжаловъ, людскія головы сложимъ въ колонны, ко-

*) См. у *Густава Ле-Бона*, op cit., стр. 137.

лонны украсимъ сверху капителью: волосы, съ которыхъ каплетъ кровь"...

Скажутъ: но вы берете уже совсѣмъ крайнія формы соціализма.

Да, крайнія,—если угодно, самыя крайнія. Но, вѣдь и самыя умѣренныя, даже съ налетомъ сантиментализма и декадентства,—и онѣ, въ сущности, не отличаются отъ этихъ. О, нѣтъ! И у нихъ, въ концѣ концовъ, нѣтъ иного пути къ цѣли, кромѣ кроваваго. Въ 1903 г. нашъ соотечественникъ Д. Мережковскій написалъ „утопію-сказку", подъ заглавіемъ *Земной рай* (издана въ Берлинѣ) *). Въ ней, какъ видно уже и изъ заглавія, онъ фантазируетъ на мотивъ соціалистовъ-утопистовъ. Онъ воображаетъ, что въ отдаленномъ будущемъ возможно вполнѣ счастливое поколѣніе людей... Но какою же цѣною можетъ быть куплено это счастье? Не иною, какъ цѣною крови,—цѣлыхъ потоковъ крови: должны, видите ли, быть предварительно вырѣзаны всѣ на земномъ шарѣ, представляющіе какіе-нибудь дефекты, физическіе или духовные, и должна быть сохранена для будущаго лишь избранная раса и при ней... рабы... Конечно, это фантазія, именно сказка, совершенно утопичная. Но замѣчательно, что де-

*) Объ этой странной книгѣ см. подробнѣе въ моей брошюрѣ: *Религіозное обновленіе нашихъ дней* (выпускъ 2-й)

каденть сходится съ террористами въ одномъ и томъ же,—въ признаніи необходимости для счастія грядущихъ поколѣній не просто крови, но громадныхъ потоковъ крови и... рабовъ... т.-е. самой рѣзкой и вмѣстѣ самой жестокой „соціальной дифференціаціи“... Ясно, что иныхъ путей къ водворенію „земного рая“ эти мечтатели-утописты не видятъ...

Вотъ, такимъ образомъ, діагнозъ и прогностика соціализма,—со стороны людей, повидимому, вполнѣ компетентныхъ.

И если мы не хотимъ потоковъ крови, мы не должны, не смѣемъ закрывать глаза на эти кошмарныя картины.

Теперь, что касается второй части нашей задачи, то-есть выработки плана леченія хроническаго недуга, называемаго соціализмомъ, то здѣсь, послѣ сказаннаго выше, я могу быть совершенно кратокъ: изъ всего изложеннаго, изъ самой даже постановки вопроса о соціализмѣ, сдѣланной мною, ясно, что, съ одной стороны, мы, всѣми мѣрами, должны заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ массъ и вообще низшихъ классовъ общества, въ смыслѣ выработки „рабочей аристократіи“, въ смыслѣ содѣйствія осуществленію задачъ такъ называемой „каритативной системы“ и т. д., а съ другой—должны, твердо и безъ колебаній, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, отстаивать

тѣ начала и институціи жизни,—собственность, право наслѣдованія, семью, соціальную дифференціацію и т. д.,—безъ которыхъ, какъ я пытался разъяснить выше, не мыслимо сохраненіе и тѣмъ болѣе дальнѣйшее развитіе цивилизаціи и культуры.

Конечно, обѣ эти части лечебнаго плана въ отношеніи къ соціализму одинаково важны и одна безъ другой не достигали бы цѣли. Но въ виду современнаго положенія дѣлъ, „по требованію момента“, выполненіе *послѣдней* части плана едвали не важнѣе.

Трейчке, въ свое время, совершенно справедливо указывалъ Нѣмцамъ на примѣръ Англичанъ, которые особенно успѣшно борются съ соціализмомъ, прежде всего, именно потому, что не позволяютъ ему выбить ни одного камня изъ того, вѣками сложившагося, правоваго зданія, подъ сѣнію котораго живутъ Англичане,—ни права собственности, ни права наслѣдованія, ни семейныхъ правъ и т. д. Нѣмцы прошли этимъ же путемъ и теперь намъ можно было бы многому у нихъ поучиться.

Съ другой стороны, Франція представляетъ не менѣе поучительный примѣръ того, что происходитъ въ случаѣ чрезмѣрной уступчивости высшихъ классовъ притязаніямъ низшихъ. Соціализмъ побѣждаетъ тамъ,—какъ, впрочемъ, и по-

всюду, при тѣхъ-же условіяхъ,—не потому, что массамъ, плохо, но потому, что онѣ надѣются, что, стоитъ имъ лишь захотѣть, и завтра же будетъ лучше и т. д., — вплоть до того момента, когда онѣ побѣдятъ окончательно.

Густавъ Ле-Бонъ, въ своей,—уже не разъ цитованной и, повторяю, достойной всякаго вниманія книгѣ *Психологія соціализма*,—высказываетъ по этому поводу много глубоко основательнаго и психологически вполнѣ вѣрнаго. Онъ, между прочимъ, пишетъ;

„Всякій соціальный переворотъ всегда начинается сверху, но отнюдь не снизу. Развѣ народъ создалъ Великую Французскую Революцію? Конечно, нѣтъ. Онъ никогда и не думалъ объ этомъ. Революція была разнуздана знатью и правящими классами.

„Мы хорошо знаемъ, каково было въ эпоху революціи состояніе умовъ, которое теперь возрождается на нашихъ глазахъ. *Умиленный гуманитаризмъ, начинающійся съ пастушескихъ идиллій и философскихъ разсужденій и кончающійся гильотиной!* Таковы эти, повидимому, безобидныя идеи, которыя скоро привели людей правящихъ классовъ къ слабости и дезорганизаціи. Они не вѣрили больше въ свое собственное дѣло и даже были, какъ справедливо замѣтилъ Мишле, врагами своего дѣла. Когда ночью 4-го августа 1789 г. знать от-

реклась отъ своихъ вѣковыхъ правъ и привилѣгій, революція была уже создана. Народу оставалось лишь слѣдовать тѣмъ указаніямъ, которыя ему были даны, и какъ всегда, онъ довелъ ихъ до крайности. Немного ему времени понадобилось для того, чтобы отрубить головы честнымъ филантропамъ, которые такимъ образомъ оставили безъ обороны свое собственное дѣло... Исторія не пожалѣетъ ихъ!

„Опыта минувшаго вѣка оказалось недостаточно и—въ настоящее время снова возрождается тотъ же *смутный гуманитаризмъ*. Подъ его деморализующимъ, пріучающимъ къ безпечности, вліяніемъ, правящіе классы потеряли всякое довѣріе къ справедливости своего дѣла. Они все болѣе и болѣе уступаютъ вожакамъ толпы, которые, въ свою очередь, проникаются все большимъ и большимъ презрѣніемъ къ правящимъ классамъ, по мѣрѣ того, какъ тѣ увеличиваютъ свои уступки.

„Не слѣдуетъ надѣяться, что нелѣпость большей части соціалистическихъ теорій помѣшаетъ имъ восторжествовать. Эти теоріи не заключаютъ въ себѣ, въ концѣ концовъ, ничего менѣе правдоподобнаго, чѣмъ многія вѣрованія, которыя уже такъ давно управляютъ душой народовъ. Степень распространенія какой либо доктрины никогда не стояла въ связи съ ея нелогичностью. Между

тѣмъ, соціализмъ гораздо болѣе вѣрованіе, чѣмъ разсудочная теорія. Ему подчиняются и о немъ не спорятъ“ *)

Вотъ именно!.. И мы теперь, у насъ, въ Россіи, явно страдаемъ тѣми-же, вредными для нашего будущаго и, можетъ быть, даже прямо роковыми, чувствами того-же болѣзненнаго, смутнаго, „сантиментально-умиленнаго“, гуманитаризма, который принесъ столько зла несчастной Франціи и который грозитъ человѣчеству въ грядущемъ еще большими бѣдствіями.

И вотъ отъ чего нашему обществу необходимо, прежде всего и какъ можно радикальнѣе, отрѣшиться!

Ну, а затѣмъ что?.. Вѣдь отрѣшиться отъ ложнаго мнѣнія,—это еще далеко и далеко не все. Это даже не главное. Это лишь начало дѣла. Но что-жь намъ дѣлать дальше,—что дѣлать, если мы хотимъ не сторониться отъ соціализма, но, по мѣрѣ силъ, противодѣйствовать „обвалу культуры“, которымъ онъ угрожаетъ, и „соціальному землетрясенію“?

Въ главѣ объ „Адептахъ соціализма и ихъ психологіи“, Густавъ Ле-Бонъ констатируетъ, относительно Франціи и Италіи, которымъ особенно угрожаетъ соціалистическое движеніе, два факта:

---

*) Стр. 133—137, passim.

1) масса, хотя она уже сильно, особенно именно въ этихъ странахъ, революціонирована, но положеніе ея, въ смыслѣ возврата къ нормальному строю общественной жизни, даже и тамъ, далеко не безнадежно, такъ какъ, при первой же возможности, рабочій людъ тамъ легко проникается мирными идеалами гражданственности; 2) главною и ближайшею причиною революціонированія и соціализаціи массъ,—конечно, послѣ ихъ нищеты,—служитъ, по Ле-Бону, пропаганда, особенно со стороны такъ называемаго умственнаго пролетаріата и всѣхъ вообще полуобразованныхъ, недоучекъ, неудачниковъ, обездоленныхъ всякаго рода, которымъ терять нечего, но которые, при потрясеніи современнаго строя, надѣются, по крайней мѣрѣ для себя лично, во всякомъ случаѣ на нѣчто лучшее, а можетъ быть даже и прямо на неслыханную удачу, коль скоро они пробьются въ ряды передовыхъ вождей...

Мнѣ кажется, что мы въ Россіи, и именно въ настоящій моментъ, живемъ при условіяхъ, сходныхъ съ тѣми, въ какихъ живутъ Франція и Италія. И у насъ, масса, хотя и революціонирована, но въ смыслѣ обращенія къ мирнымъ идеаламъ далеко не безнадежна. Съ другой стороны, агитація также несомнѣнно имѣетъ и у насъ громадное значеніе. Только у насъ въ рядахъ агитаторовъ чаще, чѣмъ на Западѣ, встрѣчаются энтузі-

асты, проникнутые наивною вѣрою въ осуществимость соціалистическихъ утопій, до „земнаго рая“ включительно.

Этими соображеніями уже опредѣляется общій планъ контръ-соціалистической и вмѣстѣ контръ-революціонной дѣятельности, со стороны всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ, чтобы дальнѣйшее теченіе нашей жизни приняло мирное, „эволютивное“, а не „катастрофическое“, не „революціонное“ движеніе.

Желательно, во-первыхъ, чтобы наши архипастыри и пастыри, не устраняясь отъ общественнаго движенія, имѣли бы мужество сказать всѣмъ, увлекающимся соціалистическою мечтою, что, сколь бы, въ частности, ни было хорошихъ элементовъ въ соціализмѣ, но, въ сущности, онъ ставитъ для человѣчества глубоко одностороннюю цѣль и совершенно ложные идеалы, переставляя центръ тяжести въ человѣческой жизни, всѣ, такъ сказать, ея притяженія съ неба на землю и—*исключительно* на землю... Пусть они разъяснятъ, съ возможною убѣдительностію, что, хотя соціализмъ и кажется родственнымъ христіанству, но это родство чисто внѣшнее, именно лишь кажущееся, простая видимость, своего рода обманъ духовнаго зрѣнія; что соціализмъ и христіанство близки развѣ лишь тою близостію, въ какой,—да простятъ мнѣ это, нѣсколько грубоватое, сравненіе!—на-

ходятся между собою два человѣка, стоящіе другъ къ другу спиною: когда они пойдутъ, то уйдутъ въ разныя стороны и, чѣмъ дальше будутъ идти, тѣмъ больше будутъ удаляться другъ отъ друга далѣе... Признавая въ соціализмѣ нѣкоторые религіозно-мистическіе элементы (*культъ* человѣчества, *вѣра* въ „земной рай“ и т. д.), пусть однако, они найдутъ въ себѣ мужество громко засвидѣтельствовать *) ту несомнѣнную и неопровержимую истину, что, при всемъ томъ соціализмъ есть лишь *лжерелигія*, суррогатъ ея, поддѣлка подъ нее,—чтобы „прельстить, если возможно, и избранниковъ“... Пусть наши архипастыри и пастыри выскажутъ все это смѣло и рѣшительно, вопреки широко распространеннымъ теперь у насъ предразсудкамъ о мнимомъ родствѣ, почти тожествѣ, между христіанствомъ и соціализмомъ, чуть ли даже не съ преимуществами на сторонѣ послѣдняго, каковыми предразсудками у насъ теперь,—увы!—заражены и нѣкоторые изъ „пастырей“, очевидно не понимающіе какъ должно, съ надлежащимъ углубленіемъ и основательностью, ни христіанства, ни соціализма...

Наши ученые,—экономисты, государственники,

*) Какъ это сдѣлалъ недавно, наприм., г. Бердяевъ въ своей, основательной и принципіальной, статьѣ: „Соціализмъ, какъ религія“, помѣщенной на страницахъ *Вопросовъ Философіи и Психологіи* (кн. 85).

моралисты,—которые, вѣдь, не могутъ же не видѣть того, что отлично видятъ тамъ, на Западѣ, должны бы возвысить свой авторитетный голосъ, чтобы отдѣлить въ соціалистическомъ движеніи зерно отъ никуда негодной, съ научной точки зрѣнія, шелухи, а тѣмъ болѣе отъ ферментовъ культурно-общественнаго разложенія, должны бы сказать объ этомъ прямо и во всеуслышаніе, и указать, со всею прямотою и мужествомъ, грозныя перспективы, какъ говорили и говорятъ, указывали и указываютъ, напримѣръ, Трейчке, Густавъ Ле-Бонъ, Секретанъ, Мэллокъ, Гартманъ, Ницше и другіе.

Наши беллетристы, насыщающіе теперь массы „пафосомъ ненависти“ и недовольства къ лучше поставленнымъ классамъ общества, должны же, наконецъ, понять, что съ огнемъ шутить нельзя, что революція хороша только на бумагѣ...

Наши юные энтузіасты, должны сознать, что, если сѣять зло, то зло и выростетъ, должны перестать пропитывать душу массъ ложными надеждами и несбыточными мечтами, съ элементами возмущенія и озлобленія... Или, если ужъ извѣстная часть нашей агитирующей молодежи радикально неисправима въ этомъ отношеніи, то, въ противовѣсъ ей, должна бы выступить другая молодежь, другіе энтузіасты, которые бы заговорили съ массами другимъ языкомъ и, вмѣсто

боевыхъ пѣсенъ, требующихъ крови и огня, на мотивъ: „И сомкнутыми рядами мы пройдемъ надъ головами“ и т. д.,—вмѣсто этихъ пѣсенъ, дышущихъ ненавистью и мщеніемъ, научили бы ихъ другимъ пѣснямъ, призывающимъ къ мирному труду,—напримѣръ, этой изъ Гёте, которую Карлейль называетъ „псалмомъ“ или „церковнымъ гимномъ“, написаннымъ какъ бы спеціально для рабочихъ массъ:

Въ трудѣ камнетеса—
Подобіе жизни;
Его постоянство—
Какъ дней человѣка
Теченье земное.
И радость, и горе
Въ грядущемъ таятся;
И люди стремятся
Впередъ, не боятся
Того, что въ немъ скрыто.
Торжественъ, завѣшанъ
У цѣли всѣхъ смертныхъ
Порталъ, и безмолвны:
Надъ нами—созвѣздья,
Подъ нами—могилы.
Въ его созерцаньѣ—
Предчувствіе страха
И ужаса трепетъ:
Боязнь и сомнѣнье
Смущаютъ храбрѣйшихъ.
Но голосъ здѣсь слышенъ;
То мудрости голосъ,

Міровъ и столѣтій:
„Блюдите! Вашъ выборъ
И кратокъ, и вѣченъ.
Здѣсь, въ Вѣчномъ Покоѣ,
Гдѣ все—совершенство,
Васъ видятъ, вамъ, вѣрнымъ,
Награду готовятъ.
Трудитесь, надѣйтесь“...

Меня, быть можетъ спросятъ:

Что же,—ужели всѣмъ намъ идти, вслѣдъ за агитаторами соціализма, на фабрики, въ толпу?..

Да, и на фабрику и въ толпу... Почему бы и не такъ?.. Но пойдутъ туда, конечно, тоже лишь урожденные энтузіасты, которые способны безбоязненно понести на опасныя позиціи пламенныя рѣчи. Служить же дѣлу контръ-соціалистическаго движенія можно, однако, и безъ этого и каждому на своемъ мѣстѣ. Какъ царствіе Божіе, торжество добра и правды, по слову Писанія (Лук. 17, 20) *не приходитъ съ соблюденіемъ*, то-есть примѣтнымъ образомъ, такъ еще менѣе приходитъ „съ соблюденіемъ“ царство зла и неправды.

Гдѣ соціалистическая армія,—мы собственно не знаемъ. Можетъ быть и, вѣроятно, она ближе къ намъ, чѣмъ мы, обыкновенно, думаемъ. Соціализмъ, въ самомъ дѣлѣ, повсюду, гдѣ переставлены идеалы въ направленіи къ землѣ, гдѣ живетъ мечта-утопія о земномъ раѣ, царствѣ грядущей всеобщей сытости, какъ верховномъ идеалѣ,

гдѣ на лицо отрицательно-враждебное отношеніе къ великимъ институціямъ, на которыхъ держится культурно-благоустроенная общественная жизнь: въ семьѣ, собственности и т. д. И всякое слово, спокойно, стойко и мужественно сказанное, въ противовѣсъ этимъ нездоровымъ теченіямъ общественной жизни, есть уже служеніе великому дѣлу контръ-соціалистическаго движенія. Для этого, очевидно, нѣтъ надобности ходить далеко, непремѣнно на фабрику или въ толпу. Это дѣло можно дѣлать каждому на своемъ мѣстѣ, иногда даже и у себя дома.

Во всякомъ случаѣ, было бы легкомысліемъ, если не прямо безуміемъ, уменьшать размѣры опасности, висящей надъ нашимъ обществомъ. Мы живемъ среди тревожныхъ настроеній и еще болѣе тревожныхъ, порою прямо зловѣщихъ, симптомовъ. Мы буквально не знаемъ, „что день грядущій намъ готовитъ“.

Различные народы, въ зависимости отъ своей духовной крѣпости и силы, въ зависимости отъ выработки своего религіознаго и нравственно-политическаго сознанія, переживаютъ острые общественные кризисы, подобные переживаемому теперь нами, различно. Одни, какъ Нѣмцы въ періодъ „бури и натиска“ (Sturm und Drang), переживаютъ его, главнымъ образомъ, литературно,— выскажутся, договорятся до ужасовъ, и уже не

хотятъ больше повторять ихъ въ жизни: изъ нихъ революція выходитъ, такъ сказать, чернилами на бумагу (какъ, наприм., въ *Разбойникахъ* Шиллера и проч.). Другіе, какъ Франція, переживаютъ ее въ жизни, самымъ дѣломъ... Но страшно это послѣднее разрѣшеніе коллизіи! Карлейль говоритъ, что не было болѣе грозныхъ знаменій на небѣ, подъ которымъ живетъ человѣчество, какъ эта революція. И это такъ, конечно. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тогда, въ Мелонѣ, напримѣръ, были кожевни для выдѣлки... человѣческой кожи...

Если бы и мы пережили нашъ общественно-государственный кризисъ такъ, какъ пережила его, въ періодъ „бури и натиска“, Германія,—то благо намъ было бы. Но что если намъ предстоитъ пережить болѣзненный процессъ такъ, какъ пережила его злополучная Франція?.. Увы! — много основаній думать, что это будетъ именно такъ,— если, конечно, мы во время, и со всею серьезностью, не примемъ во вниманіе и „къ руководству“ поучительныхъ уроковъ исторіи.

Смущающаго, въ самомъ дѣлѣ, много,—даже слишкомъ много. И у насъ теперь, какъ когда-то во Франціи, все общество какъ бы распалось на два вражескихъ лагеря: „старая раса“, какъ мѣтко выразился Красинскій, и „новая раса“ уже стоятъ другъ противъ друга въ боевой готовности.

Но и „старая раса“, въ свою очередь, дробится—и уже не на двое, а на множество фракцій, и дробленію конца не видится.

При такихъ условіяхъ, намъ теперь всего необходимѣе, очевидно, синтезъ общественныхъ силъ, проникнутыхъ положительными,—созидательными, а не разрушительными,—идеалами.

Два лозунга выдѣляются среди разнотонныхъ современныхъ голосовъ всего яснѣе.

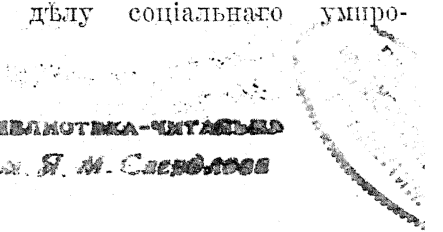
Одни, какъ бы извѣрившись въ возможность устроенія нашихъ дѣлъ,—пришедшихъ въ состояніе крайняго разстройства и представляющихъ картину совершенно невѣроятнаго хаоса,—человѣческими средствами, призываютъ, какъ къ послѣднему и единственному средству, къ молитвѣ о помощи свыше: oremus,—помолимся!

Другіе, напротивъ, вѣря только въ человѣческія силы и средства, горделиво пишутъ на своемъ знамени: laboremus,—будемъ трудиться, поработаемъ!

Я же, съ своей стороны, совмѣстилъ бы оба эти лозунга: oremus et laboremus,—помолимся, но и потрудимся!

Поставивъ себя предъ лицемъ Вѣчной Правды и вдохновляясь, прежде всего, именно этимъ идеаломъ, послужимъ,—содѣйствіемъ усовершенствованію, по образу Божественнаго Законодатель-

ства, нашихъ общественно-государственныхъ законовъ, организаціею помощи нуждающимся, обездоленнымъ и трудящимся, но также и мужественнымъ отстаиваніемъ вѣковѣчныхъ основъ и институцій культурной гражданственности,—послужимъ, каждый въ мѣру своихъ силъ, великому общечеловѣческому дѣлу соціальнаго умиротворенія!


Библиотека-читальня
им. Я. М. Свердлова